

Мынымбай Журмаганбетов

ЗМЕИНЫЙ ЯД

Часть первая

ЗМЕИНЫЙ ЯД

1

Перед поездкой в Саратан Байшубара и Шертая в ауле Узынарык, что состоит из семнадцати домов и расположен на одной из излучин Сырдарьи, случились два события, которые развеселили одних и опечалили других.

Первое связано с отцом Сагынжана, родственника в третьем поколении, – Журкой, скончавшимся еще год назад. В ауле не было человека, который не знал бы о смерти Журки. Собрались все мужчины семнадцатидворного Узынарыка, и старые, и молодые, и похоронили его на кладбище за окраиной аула. Прочитали Коран, провели молитвенно ладонью по лицу... Затем вернулись в дом Журки, стали трапезничать, громко переговариваясь друг с другом. Так же было на поминках в семь дней, сорок дней, сто дней... Помнили они и то, как собрались как-то у Сагынжана в доме из двух комнат, как за дружным застольем каждый от души говорил, что хотел, и вдоволь набил себе брюхо. Кто-кто, но привыкшие жить впроголодь аульчане разве забудут о тех днях, когда наелись до отвала? К тому же в последние годы даже жители близлежащих аулов обычно не собирались без особого повода – смерти человека или тоя. Жители же отдаленных аулов долго не забывали прошедшее событие, обсуждая меж собой, как вели разговоры по душам с родственниками, как посчастливилось пообщаться с ними на таких мероприятиях, ведь им уж есть о чем вспомнить... И когда Сагынжан серьезно затянул с проведением поминок по отцу, не успев подготовиться, неугомонные соседushки, из тех, у кого с уст не сходит, мол, все мы в ауле родичи, начали трепать языками, стараясь уязвить друг друга: «Эй, время же годовщины его отца подошло... Говорю, что подошло... Да оно уже проходит!» Были и такие, кто подначивал с издевкой: «Что, у вашего батыра возможности нет?»

А затем, уже после годовщины смерти старика, когда и все съеденное, и сами поминки потихоньку стали забываться, произошло неожиданное событие, заставившее опять вспомнить Журку. И воспоминание это было такое, что с раннего лета и до глубокой осени на устах у каждого по всей округе Узынарыка и даже в районном центре был покойный Журка.

Дело было в том, что Сагынжан, получавший за отца пенсию до его кончины, целый год продолжал исправно брать ее и после похорон. Наверное, из-за того что аул располагался на одной, а сельский совет на другой стороне лощины, никто на это и не обратил бы внимания. Но как не поползти слухам в народе, после того как в районной газете опубликовали фельетон «Пенсия Журки»?! Быть может, всё было бы не так страшно, если бы в ходе расследования, которое проводил один из членов сельского совета, Сагынжан еще больше не опозорился. В сумятице чувств он привел и положил на кровать в гостиной старика Прали, заявив: «Вот мой отец. Он еще жив». Когда тот самый представитель, поев и напившись чаю в передней комнате, собирался уходить, утешенный мыслью, что отец хозяина жив, старик Прали невзначай кашлянул. Это услышал не только хозяин дома, но и член сельского совета, заметив:

– Смотри, старик твой что-то простудился.

Сагынжан тотчас подхватил:

– Да, вы попали в точку. Простудился.

Прали же снова натужно закашлял.

– Да он не просто, а довольно-таки сильно простыл... – сказал член сельского совета, жалея старика.

– Вы опять попали в точку. Верно, он сильно простыл, – отозвался Сагынжан.

– Видимо, пора дать ему лекарство.

– Мы и сами так считаем. Обязательно дадим лекарство. Сегодня... Или завтра...

Прали же, ворочаясь с боку на бок в той самой постели, где Журка отдал богу душу, прокричал Сагынжану, остававшемуся в передней комнате:

– Эй, Сагынжан, ты мне сказал быть Журкой... И что этим хотел сказать, а? Чтобы мне умереть, как Журка?! Ты это мне сказал? А мне вовсе не хочется умирать!

После этого крика секрет Сагынжана раскрылся.

...Пока народ с шумом обсуждал это происшествие, в доме братьев Токашбаевых так же неожиданно произошло еще одно событие.

Когда совхозы повсеместно расформировывались, молодой джигит по имени Серкара, завладевший одним бензовозом и зарабатывавший себе на жизнь тем, что продавал бензин в отдаленных аулах, во время одной из таких поездок заехал к зятю Токашбаю. Пока слухи о том, что в аул приехал продавец горючего масла, разбегались, подобно испуганным овцам, по всем семнадцати домам, разбросанным тут и там, Серкара неторопливо угощался чаем у сестры Сырги. После чая заложили в котел мясо. Как только сестра поставила мясо вариться, Серкара неспешно устроился на красном одеяле, постеленном на почетном месте, и заснул.

Поскольку Токашбай вечно не имел денег на бензин для своего двухколесного мотоцикла, он невольно прибегал к уловкам: с шутками и прибаутками – дескать, это же мой деверь, мне можно, – выклянчивал то ведро, то полведра топлива. Вот только надо было либо отчаянно упрашивать, либо идти на воровство. На этот раз, нутром чувствуя, что изрядно надоел деверю своей просьбой, Токашбай решил пойти на воровство.

Был припрятан у него бак от старой машины, зарытый в полу сарая для скота. Вознамерился он хотя бы наполовину заполнить его вожделенным топливом и

с наступлением темноты приступил к делу. Его коварный умысел не укрылся от жены, но она все же, возясь на кухне, сделала вид, что ничего не видит и не понимает.

Со старым ведром в руке Токашбай сделал семь или восемь рейсов между бензовозом и хлевом, но в темноте не мог понять, наполнился ли бак, почти целиком зарытый в землю – только горловина торчала наружу. Сбившись впопыхах со счета, он совсем некстати вспомнил про спички... И зажег огонь... Вспыхнувшее пламя охватило бак, полный бензина, затем запылал и сарай. И сено, которое Токашбай кропотливо собирал все лето, таская то на телеге, то на мотоцикле, и с десятков овец и коз, которых он, перед тем как совершить злодейство, загнал в хлев, – всё было охвачено пламенем. Сам он успел опрокинуться навзничь, чтобы потушить пламя на себе, несколько раз перекатился с бока на бок и в результате, слава богу, остался жив. Дрова, что вместе с сеном лежали, огражденные плетнем из тамариска и шенгеля, тоже оказались в огне... Всё сгорело.

Пока неумолимые обладатели длинных языков, занятые до этого происшествием рассказами про Журку, осваивали новую тему – про сгоревший хлев Токашбая, причем одни – закатываясь от смеха, другие – сочувствуя бедняге, пока они, собираясь группами, искали для себя развлечения, не прекращая болтовни ни днем, ни ночью, – разнеслась весть о том, что Ералы прислал домой пятьсот тысяч тенге. Впечатление от этой новости, пожалуй, было сравнимо с эффектом валуна, прокатившегося по мелким лужам. Правильно было бы назвать ее и не новостью, а настоящим событием для аула. Теперь и покойный Журка, и среди белого дня лишившийся всего нажитого Токашбай на время остались забытыми. Все разговоры крутились вокруг того, как жена Ералы – Сиякуль отправилась на почту, расположенную на железнодорожной станции в пяти километрах от аула, как неспешно пересчитала пятьсот тысяч тенге... пошла в магазин и сделала покупки. Жители аула, которым еще не доводилось держать в руках наличные, если не считать трех старух и четырех стариков, получавших пенсию, не могли представить себе большего богатства, чем эти деньги.

Деньги от Ералы уже приходили и летом, и прошлой зимой – около двухсот и трехсот тысяч тенге. Аульчане, обмениваясь впечатлениями, не скрывали своего удивления и даже восхищения: «Ойпырмай, вот повезло-то как... Смотрите-ка, как легко нашлась работа с высокой зарплатой...» – однако в итоге завистников и тогда оказалось больше. Теперь же сородичей, у которых в глазах читалась глубокая зависть, пересуды об этих пятистах тысячах тенге просто оглушили, словно они получили удар дубинкой по голове. Услышав эту весть, практически ни один из них не нашел слов, чтобы выразить чувства: женщины просто выпячивали губы, а мужчины понуро смотрели себе под ноги.

Поскольку жена Ералы Сиякуль и жена Байшубара Шырай выросли в одном ауле, их семьи связывали дружеские отношения – а потому не прекращались и сплетни. Не говоря уж об осведомленности в том, сколько денег пришло от Ералы, семейство Байшубара точно знало, и на что потратила эти деньги Сиякуль.

Уже когда впервые Сиякуль получила от мужа двести тысяч, младший из братьев, Шертай, давно окончивший десятый класс, не поступивший на учебу и который год сидевший без работы в ауле, начал докучать Байшубару, жалобным голосом уговаривая: «Ага, давайте и мы туда поедem... Найдем Ералы... Может, и мы устроимся, может, и нам повезет...»

Поначалу Байшубар никак не реагировал на эти слова. А не реагировал, потому что было это как раз то время, когда в народе поговаривали, будто Узунарык выкупает один бай, и этот бай собирается открывать молочную ферму. Слухи те дошли и до районного центра... Кроме того, затаил Байшубар кое-какую обиду на родича, мол, почему этот Ералы не написал письмо, не позвал к себе, если и вправду нашел несметное богатство. «Мы ж не только родственники, но и когда-то были очень дружны! А как забыть, что в свое время обед ели у нас, а ужин съедали у них?»

Когда пришла весть о том, что Ералы прислал пятьсот тысяч тенге, Байшубар и Шертай сидели на лавочке во дворе и ели вчерашний хлеб, обмакивая его в молоко, а чай вместо сахара заедали залежавшимся куртотом. Чай этот был некогда выпрошен у продавца: дескать, дай самый дешевый, – да разве будет такой хорошим на вкус? И на самом деле, это была просто водица красного оттенка.

Весть принесла Шырай, потому никто из них не усомнился в ее правдивости. Шертай, давно тревожившийся по поводу безработицы и недостатка в семье, опять буркнул:

– Ага! Давай уедем!

– Куда мы поедим... К кому? – сказал Байшубар и замялся, как обычно, лениво раздумывая, но брат тут же дал ему понять, что устал от его нерасторопности, и сказал, задыхаясь от злобы:

– Ох уж эта ваша привычка! Почему, как старший, не начнете действовать первым и не одобрите?! Вон Ералы же уехал, даже когда его никто не приглашал. И работу нашел!

– А как же молочная ферма, все говорят...

– Ой, ага, неужели вы поверили в это! Когда тот самый бай купит этот аул? Когда он потом построит ферму? Пока он пригонит коров сюда... Если станем ждать новостей от ветра, вся семья умрет с голоду!

– Так-то оно так...

– Вы что, ждете, пока деньги сами посыплются с неба? Или думаете, что правительство принесет и бесплатно раздарит кучу еды и одежды?

Байшубар понял, что дальше нельзя спорить с младшим братом. Он был возбужден и растерян. Его волю просто-напросто сломила бурная речь обычно смиренного и тихого юноши, который никогда ему не перечил.

– По-твоему, мы должны вот так просто уехать?

– Вот так просто и уехать. А почему нет? Или вы хотите собрать весь аул и устроить собрание, как на встрече с депутатом?

В замешательстве Байшубар, вместо того чтобы откусить хлеб перед глотком чая, схватил курт, а потом отставил в сторону пиалу, из которой только что собирался выпить чай.

– Ну, тогда посмотрим... – сказал он подавленным тоном. – Так ты думаешь ехать на сегодняшнем поезде или на завтрашнем?..

– На сегодняшнем!

Шертай в сердцах стукнул кулаком по деревянной лавочке.

На этом разговор между братьями завершился.

Байшубар тоже заглядывал в письмо, которое пришло еще зимой от Ералы его жене Сиякуль. В конце письма было коротко написано: «Мой адрес: зимовка

Саратан. Почта. 17-й почтовый ящик. Но ты не вздумай писать мне письма. Таков порядок. Буду писать тебе сам». Пробежав глазами эти строки, какое-то время он пребывал в недоумении, дескать, как можно дать человеку такой странный адрес: «17-й ящик». Люди же обычно указывают: такая улица, такой дом. И что означает «таков порядок»? Военная служба, что ли?

Приняв решение внезапно ехать, братья осознали, что у них нет другого выхода, кроме как искать Ералы по тому самому адресу «Зимовка Саратан. Почта 17-й ящик».

Они предупредили лишь одну Сиякуль о том, что собираются в поездку с целью отыскать Ералы. Она, бедняжка, с ног сбилась, готова мясом и баурсаками, которые хотела передать Ералы. Отдала им письмо, написанное на тетрадном листочке в клетку: «У нас тоже все хорошо. Если не считать того, что дети очень сильно соскучились...», и фото с детьми размером с небольшую ладонь.

– Надо, чтобы оно не помялось и не порвалось... Я специально возила детей в поезде в районный центр, чтобы сфотографировать, а потом передать через кого-нибудь или вложить в письмо для Ералы, – Сиякуль подробно передала историю фотографии.

Шырай тоже была озабочена тем, чтобы они были сытыми в дороге: варила рисовую кашу, пекла хлеб.

2

Вечером они добрались пешком до вокзала и купили билет в общий вагон поезда, проходящего ночью. Не желая рассказывать кому-либо о поездке, они решили уехать незамеченными. Кроме одного бога, Шырай и Сиякуль, в ауле никто не знал, куда и по какому поводу они отправились в путь. Даже сыновья Байшубара, Аликул и Бейсен, старший из которых был второкласником, а младший еще не пошел в школу, несколько дней потом недоумевали по поводу того, что отец и дядя как в воду канули.

В общем вагоне оказалось многолюдно. Обычно проводники поездов, останавливающихся на каждой станции, отличаются широтой натуры. Их не волнует, есть ли место в вагоне или нет. Тех, кто сунул им в руку наличные, они с готовностью пропускают раньше тех, кто купил, как положено, билет.

В вагоне было душно. Пассажиры, кому повезло с верхними местами, уже спали, на нижних люди дремали, прислонившись друг к другу. Было немало и тех, кому места не досталось: они стояли в проходе, держась руками за поручни или за края верхних лежачих мест, начинали дремать в таком положении... потом, резко вздрагивая, просыпались от испуга...

Байшубар и Шертай, работая локтями, пробирались в поисках сидячего места и наконец дошли до конца вагона. Им повезло: молодые парни и девушки, некоторые совсем юные, ютившиеся, как птенцы, в дальнем углу, подвинулись, кто-то из них встал, – так братьям досталось место. Найти сидячее место в такой тесноте и давке – это было уже своего рода маленьким счастьем. Поэтому, когда вагон тронулся с места, Байшубар и Шертай, устроившиеся рядом, довольно переглянулись, будто бы сказав друг другу улыбкой: «И на этом спасибо».

Понятно, что в таких условиях, когда едешь сдавленный, полусогнутый, пустые разговоры о том и о сём неуместны... К утру Байшубар и Шертай, полусонные, слегка очумелые, приготовились сойти в Саратане. Заспанный проводник открыл

дверь вагона. Посмотрел на них недовольно, словно видел впервые. Наверное, не мог отказаться от привычки смотреть с укором и провожать без настроения тех, кто имел при себе билет.

Сходя на перрон, Байшубар заметил, что Саратан, похоже, довольно крупный населенный пункт. Об этом свидетельствовало большое количество людей на перроне, шедших кто туда, кто обратно. Байшубар привел Шертая в зал ожидания. И здесь тоже было множество людей:двигающихся в разных направлениях, спящих на скамейках. Обычная картина дремлющих в обнимку с сумками и дорожными баулами... Спящих, прислонившись к плечу сидящего рядом...

Байшубар, ведя за собой сонного Шертая, обнаружил свободное место на краю ряда скамеек... Было бы правильнее говорить, что Байшубар волочил за собой Шертая: братишка, как-никак молодой, еще не пришел в себя после маеты сна в поезде и, покачиваясь, брел туда, куда ведет старший брат. И когда выходили из вагона, и когда зашли в зал ожидания – в тумане бездумья ему не было дела ни до чего. Он руководствовался одним: неважно, куда идти, главное – его ведет старший брат. Даже когда сели на край скамьи, положив сумки меж собой, он только пробормотал: «Куда пришли... Почему сели...» – и, не посмотрев по сторонам, склонил голову на высокую спинку и опять ушел в сон...

Увидев состояние младшего брата, Байшубар ясно понял, что вся ответственность за их дальнейший путь и дела – на нем. Шертай будет только следовать за ним. И он вдруг почувствовал всю тяжесть, свалившуюся ему на плечи, обмяк, впал в уныние и, сам того не замечая, уснул...

Открыв глаза, Байшубар понял, что и в зале ожидания, и на улице уже довольно светло. Сначала он удивился и даже испугался, мол, куда это я попал?... где сижу? Затем смутно начал припоминать дорогу, в которую они отправились с целью непременно найти аульного родича – Ералы... А Шертай все так же беззаботен – спит себе с открытым ртом, прижавшись щекой к высокой спинке скамьи.

В зале ожидания людей стало больше... Видимо, только что прибыл поезд, или, может быть, вот-вот тронется в путь... Ведь его разбудил голос по репродуктору.

В дальнем углу начало работать кафе. Люди покупали еду, ели и пили за круглыми столиками. Байшубар, неспешно поднявшись с места, пошел в ту сторону. От запаха свежее испеченной самсы разыгрался аппетит, свежая выпечка с сосисками, колбасой, всякие булочки притягивали к себе взгляд. Он постоял немного, хотел взять всего, но образумился. «Сможем ли мы найти сегодня Ералы или придется несколько дней его искать? Найдется ли работа или придется снова вернуться в аул? Одному Аллаху известно, сколько раз нам придется покупать себе еду...» В голове Байшубара теснились всякие мысли. И в этих мыслях было больше сомнений, чем надежды. Скорее, даже беспокойства.

Подумав, он купил два стакана чая и вернулся на место. В это время и Шертай проснулся и, мургая спросонок, начал озираться вокруг. Байшубар порылся в сумке и вытащил оттуда лепешку, баурсаки, вареную картошку. «Шырай положила», – подумал, с любовью вспоминая заботливую супругу. Братья приступили к еде, устроившись за круглым столиком, положив посередине белый пакет, в который Шырай завернула еду. Гостинцы от Сиякуль для Ералы не тронули.

Найти почту им не составило особого труда. Она была в двух остановках от железнодорожного вокзала. Юный Шертай, выросший в ауле и ничего не

видевший, конечно, хотел прокатиться на автобусе. Он устремился было в сторону остановки, но Байшубар не поддержал его желания. Закинув сумку на плечо, он двинулся вперед, дав понять, что они спокойно дойдут пешком. Шертай был вынужден следовать за ним. Это было хитростью более осмотрительного Байшубара. Поступал он так, прежде всего, из-за слухов о том, что в больших городах якобы орудуют воришки, унося сумки, в автобусах воры норовят обчистить карманы. Кроме того, внутренне он принял твердое решение не сорить деньгами.

Когда они не спеша дошли до места, дверь почты еще была закрыта. Старик, подметавший двор вокруг здания, удивленный тем, что посетители пришли так рано, несколько раз глянул в их сторону, а потом спросил:

– Вы пришли на почту?

– Да, на почту, – ответил Байшубар.

– Что рано-то так... – пробурчал старик, взмахнул метлой и опять спросил: – Дело-то какое?

– Тут... Да просто... – проговорил Байшубар, запинаясь, потом, вдруг осмелев, сказал: – Семнадцатый ящик...

Дворник постоял минуту в недоумении.

– Что еще за семнадцатый ящик?

– Так оно и есть... Дело у нас... Мы ищем кое-кого... Его зовут Ералы.

Дворник постоял молча, обняв метлу, потом сказал:

– Ах, да, – будто вспомнив что-то. – Женщина, которая открывает этот ящик, приходит в десять часов.

Произнеся это, он потерял охоту продолжать разговор и, размахивая метлой, двинулся к верхней части двора.

Удивленный Байшубар замер. Для него было полной неожиданностью, что ящик принадлежит не Ералы, а какой-то женщине. К тому же в душе Байшубар надеялся, что дворник знает Ералы, а если не знает, то может вспомнить что-то. И вот эта надежда погасла. Байшубар сразу впал в уныние. Ему казалось, что дело, ради которого они проделали столь долгий путь, обернулось каким-то миражом, досадным обманом.

Шертай, кажется, не был обременен никакими мыслями. Засунув руки в карманы, расхаживал сам по себе. «А зачем ему думать, если брат рядом», – напустился Байшубар. Как человек, попавший в затруднительное положение, он стал раскачивая сумкой, ходить туда и обратно. Затем подумал: «Эй, ты полагал, что Шертай ни о чем не думает, а на самом деле, быть может, он озабочен сильнее, чем ты...»

Когда открылась почта, братья зашли внутрь, и Байшубар сразу обратил внимание на то, что ящики, расположенные вдоль стены, заканчиваются номером триста двенадцать. Люди подходили к ящикам, доставали ключи, открывали щелчком один из них, брали газеты-журналы или письма, закрывали щелчком и шли дальше по своим делам. И Байшубар внимательно смотрел на все это, придавая большое значение каждому действию.

Однако до сих пор еще никто не подходил к ящику номер семнадцать. Когда на почту заходили женщины, Байшубар всякий раз с надеждой оглядывал их, но, когда те открывали другие ящики или вынимали деньги, письма и направлялись в сторону отделов, которые занимаются их отправкой, он грустно вздыхал: его

ожидания вновь не оправдались. Теперь ему было очень интересно и важно, какая же женщина откроет тот самый семнадцатый ящик.

Сидевший на скамейке возле большого окна и поглядывавший на улицу Байшубар вдруг заметил красивую черную машину, которая остановилась возле почты (он не знал, что это иностранный джип). Конечно, в теперешнем положении ему было не до любования автомобилем, но когда из этой черной машины вышла красивая женщина, он сразу повернулся. Потому что свежее розовое, будто только после сна, лицо женщины, её коротко стриженные, так шедшие ей волосы не могли не привлечь внимание мужчины. На ней была белоснежная блузка, новая, как с иголки. Туфли. И короткая юбка. Кисти рук и полные икры женщины, одетой во все белое, выглядели такими светлыми, словно их никогда не касалось солнце... Повсюду был завораживающий глаза и душу белый цвет...

Сейчас Байшубар не помнил, видел ли он когда-нибудь в жизни или хотя бы в фильмах женщину, одежда которой настолько украшала бы тело, а тело – одежду. Когда, увидев красивую женщину в каком-нибудь фильме, он, краснея и ерзя, любовался ею, чувствуя, что она ему нравится, Шырай, законная жена, сидевшая рядом, высказывала недовольство: «Ты чего так уставился?» Так вот все те писанные красотки даже в подметки не годились этой женщине!

Байшубар сопровождал женщину взглядом до самого входа в здание почты. Когда она, открыв дверь, вошла, он увидел ее ослепительные черные глаза. Байшубар внутренне содрогнулся и в смятении почувствовал себя раздавленным этой красотой... Если не считать их появления в Саратане сегодня, он не раз бывал в районном и областном центрах. Случалось ему бывать и в других крупных городах. Но он не помнил, чтобы там какая-нибудь женщина оказала на него столь сильное впечатление. Поэтому ошарашенный Байшубар, ничем не связанный с этой женщиной, начал думать о ней. «Она, наверное, из соседних стран... Может, узбечка или киргизка», – предположил он.

Женщина, постукивая каблукками, прошла мимо них, повернулась к ящикам, остановилась возле семнадцатого, открыла сумку, украшенную сверкающими камнями, и стала торопливо что-то искать. Пальцы у нее тоже были тонкие, изящные. На каждом пальчике – перстенок с драгоценным камнем... Кажется, невозможно было долго смотреть на эти пальцы, беспокоило искавшие что-то в сумке, – они даже отпугивали человека, восхитившегося их красотой... Женщина наконец нашла ключ и, щелкнув, открыла семнадцатый ящик.

Когда женщина открыла семнадцатый ящик, Байшубар очнулся от забытья. Он вопрошающе посмотрел на сидящего рядом Шертая: «Видишь?» Шертай, тоже следивший за ней, ответил тоже одними глазами: «Как же не видеть? Чего ждешь, начинай разговор!»

Женщина вытащила из ящика вместе с газетами и журналами пачку писем, затем достала из сумочки новый пакет и стала все это аккуратно складывать в него. Затем закрыла ключом ящик. Когда она повернулась и направилась к выходу, выстукивая каблукками, Байшубар, резко поднявшийся с места, почувствовал неожиданный прилив храбрости.

– Вы – семнадцатого ящика?..

Женщина обернулась к Байшубару и застыла. Она не поняла слов незнакомого джигита, но, проявляя вежливость, улыбнулась.

Замявшись и не сумев сказать то, что хотел, Байшубар снова подумал о женщине: «Как бы она не оказалась уйгуркой...» Когда она ему улыбнулась, он вновь почувствовал смятение. И ладно бы просто растерялся – он потерял самообладание и обернулся к младшему брату. А Шертай сделал суровый вид, будто говорил: «Ну, спроси же, чего стоишь, как неживой!» Выражение лица младшего брата привело его в чувство.

– Вы... Знаете Ералы? – задав прямой вопрос, Байшубар снова ощутил растерянность.

– Ералы-ы... Кто это?

Милое улыбочивое лицо женщины вмиг охладело. Или ей было неудобно... На ее лице отразилась тревога и какая-то борьба чувств.

– Мы приехали из аула Ералы... Родственники Ералы.

Женщина недоуменно посмотрела сначала на Байшубара, потом на Шертая. Но ответа не дала.

– Мы приехали в поисках работы, – тускло сказал Байшубар, не скрывая уныния.

Женщина, опустив черные глаза, прижала сверкающую сумку к груди.

– Нет. Я не знаю Ералы, – сказав это, она направилась к выходу, стуча каблучками, и вдруг остановилась. Потом обернулась к ним: – Вы сказали, что ищете работу?

– Сказали... Да, мы ищем работу, – поспешно ответил Байшубар и устремился к ней.

Женщина вновь обвела каждого из них взглядом.

– Мне нужно посоветоваться. Побудьте здесь... Может... – она опасливо посмотрела на людей в зале, каждый из которых был занят своим делом. Потом, уже тверже, добавила: – Да, побудьте здесь. – И, уже не обращая внимания на то, что оба согласно закивали, направилась к выходу.

Когда она дошла до черной машины, водитель открыл ей дверь. Черная машина, искрясь в лучах солнца, поехала.

Посмотрев друг на друга, братья постояли немного, не очень-то веря в небольшой шанс, который им выпал, затем Шертай начал:

– Она не знает нашего брата Ералы...

– Ничего не поделаешь, если не знает... Нам бы работу найти.

«Посоветоваться» оказалось делом не быстрым. С того момента как женщина ушла, стрелки часов переползли на одиннадцать... Затем остановились на двенадцати...

После того как один из сотрудников почты, посмотрев сердито, спросил: «Что вы тут делаете?» – им пришлось выйти. Теперь оставалось только ходить туда и сюда. Если бы это было просто ходьбой... Для Байшубара это мотание показалось бесконечно тоскливым, даже мучительным. «Вернется ли та женщина? Если не вернется, то почему? Даже если она и придет, что скажет? А если придет и скажет: “Для вас не нашлось подходящей работы”, – что мы будем делать дальше? Сразу нужно вернуться в аул или все же несколько дней...» Байшубар попытался выбросить всё из головы – не получилось. Мысли врывались одна за другой... Потом снова... «Наверное, нет на свете ничего выносливей человеческой головы, всё туда вмещается. Какие только мучительные заботы не находят там место... И как голова не треснет, не выдержав

натиска тягостных мыслей?! Да как же голове страдальца не стать такой! Она вынуждена терпеть...»

В голове Байшубара царила такая сумятица, что он был даже не в состоянии спросить младшего брата, который расхаживал рядом, пряча хмурые глаза и сложив руки за спиной, о чем думает он. Почему-то Байшубар несколько не сомневался в том, что у Шертая мысли в голове могли быть намного тяжелее и мрачнее, чем у него самого.

В конце концов Байшубар с чего-то решил, что женщина наверняка не придет, и теперь с беспокойством обдумывал, вернуться ли им обратно или пройтись по улицам, спрашивая людей, есть ли работа. Ему не хватало духу посоветоваться с младшим братом – любой бы испугался обессиленного, нелюдимого вида Шертая.

Думал Байшубар и про обед. «Может, найти какую-нибудь столовую и пообедать там? Или, как утром, купить только чай и перекусить теми же баурсаками, которые дала Шырай?» И вдруг он вспомнил про гостинцы, переданные Сиякуль для Ералы. «Боже мой! У нас же еще это есть! Ералы все равно не нашелся. А вареное мясо долго не хранится. Оно может испортиться...»

«О, Всемогущий...» – подумал он, немного придя в себя, и хотел было сказать: «Эй, Шертай, мы не нашли Ералы, и работы нет, но ведь это не означает конец жизни... Мечты и надежды наши, небось, не угаснут. Что это мы пригорюнились, словно опять потеряли отца... Пошли... Подкрепимся чем-нибудь...» Но, обернувшись, он увидел, как та же сверкающая в лучах солнца черная машина подъехала к ним и остановилась... Кто знает, в каком состоянии был Шертай, но Байшубар был вне себя от радости. «О, духи предков!» – прошептал он, ощущая прилив сил.

Как он и представлял, передняя дверь машины открылась, оттуда вышла та самая женщина и поманила их к себе движением пальца. Она указала братьям на заднюю дверь, и те быстро зашагали, неся свои сумки. Аульчане, которым до этого дня никогда не приходилось сидеть в красивом дорогом автомобиле, замаялись, боясь даже допустить мысль, что удостоены такого уважения, но женщина, заметив в их лицах растерянность и смущение, сказала:

– Садитесь!

Спешно устраиваясь на сиденье, Байшубар подумал: «Боже, ее голос звенит, как колокольчик...»

Машина двинулась. Братья хранили молчание. В их душах, похоже, было больше испуга, чем радости.

– Так значит, вы приехали сюда в поисках работы... – медленно начала разговор женщина.

– Ищем работу, – отозвался Байшубар.

– Оба...

– Оба...

– Вы похожи друг на друга.

– Мы братья. Меня зовут Байшубар, младшего брата – Шертай.

– Из какого вы аула?

– Узынарык... Жанакорганский район.

Байшубар, назвав свой аул, подумал: «К чему это? Какие аулы она может знать?»

Машина неслась, сворачивая с одной улицы на другую. Шофер покрутил что-то, и заиграла красивая музыка, но женщина, нахмутив брови, приподняла левую руку, и он тут же выключил всё.

– Мы поняли, что вы из аула, поэтому присматриваем вам работу. Я посоветовалась с хозяином... – сказала женщина, продолжив прерванный разговор. Затем, повернув свою белоснежную шею, внимательно посмотрела на них, сидящих сзади, как воробьи в клетке. – Меня зовут Лиза.

Байшубару, надо сказать, не очень понравилось, что женщина с каким-то сомнением произнесла «присматриваем вам работу», но когда она назвала свое имя, он немного успокоился. Потом опять задумался: «Что еще за хозяин?»

Вновь воцарилось молчание. Автомобиль мчался по улице. Кажется, они даже оказались за пределами селения. Проехав по прямой длинной улице, машина свернула на другую, затем направо, затем по переулку налево и, доехав до богатого двухэтажного дома, остановилась.

– Выходите, – сказав это, Лиза выскользнула сначала сама.

Открыв каждый свою дверцу, они торопливо вышли. Лиза посмотрела на сумку в руках Байшубара, и он засмутился. Потому что сумка в лучшие времена была скорее женской, а сейчас – еще и старой. Говоря по правде, Байшубар и сам не знал, как эта сумка оказалась в его доме. Помнил лишь, что Шырай дала ее, когда он собирался в дорогу. И всё...

Дом был роскошен и всем видом радовал глаза. Стены его были выкрашены в желтый цвет, оконные рамы – в синий. А орнаментов, подобных тем, что украшали окна и балконы, Байшубар нигде еще не видел. За свои тридцать пять лет он побывал в разных городах и селах. Но не помнил, чтобы где-либо так жадно смотрел на чужой дом... Ему казалось, будто и сама женщина, и ее дом чудом перенесены в Саратан из неведомого края.

Причиной их невольной заминки после выхода из машины и долгого любования домом стало то, что Лиза, обернувшись, давала шоферу длинные поручения. Лиза что-то говорила... и говорила... Шофер кивал и кивал головой...

Наконец женщина, повернувшись к Байшубару и Шертаю, сказала: «Пойдемте», – и направилась к красивым железным воротам.

Двор оказался тоже необычайно красивым. Примерно полгектара земли занимал ухоженный сад, огороженный ажурным железным забором, с другой стороны в длину стоял дом. Чуть дальше от него тоже постройка – то ли еще один дом, то ли сарай... В центре двора – круглый бассейн размером с юрту, наполненный водой. Вокруг него прихотливо уложен цветной мрамор. Красно-зеленые цветы, растущие вдоль этого мрамора, казались чудесной картинкой из волшебных сказок...

Лиза впустила братьев не в двухэтажный особняк, а в одну из дверей длинного дома. Они прошли коридор, застеленный ковровыми дорожками. Войдя в комнату, где напротив входа стояли рядом две кровати, она сказала: «Устраивайтесь пока здесь. Повар вас накормит», – и вышла. Хотя там был диван и несколько стульев, они не стали садиться, а некоторое время отрешенно стояли в центре комнаты. На их лицах читалось удивление и страх, ни никак не радость. Байшубар, который, как старший, всегда был впереди, теперь чувствовал себя все еще растерянным и не осмеливался даже поставить сумку на пол. Верх взяла все же молодость: сначала пришел в себя и осмелел Шертай.

– Ага, давайте присядем, – сказал он, усаживаясь на крайний стул.

Байшубар тоже присел. Но то, что присел он рядом с Шертаем, хотя вдоль стены напротив стоял огромный диван и несколько стульев, выдавало его неуверенность.

– Какой же у них великолепный дом! – восхитился Шертай, выглянув из окна на улицу, а затем осмотрев все четыре стены комнаты.

Действительно, комната выглядела свежей, будто недавно была побелена. А круглая люстра, напоминающая девичий головной убор – саукеле, удивила бы кого угодно.

– Даже их обычный дом напоминает ханские покои, – сказал Шертай снова.

– Ну-у, – протянул Байшубар, вслед за младшим братом осмотрев стены и потолок. Но поскольку не смог найти эпитет лучше, чем у брата, только промычал что-то невнятное.

Братья все еще сидели с потерянным видом, не успев вынуть и разложить вещи, когда в комнату вошла Лиза. Вместо белой блузки, белой юбки и белых туфель она надела ладное синенькое платье и летнюю обувь с плоской подошвой, носочки которой были украшены бязью. Говорят же, что красивую женщину украшает все, что бы она ни надела, – в общем, Байшубару показалось, что Лиза стала еще прелестней.

– Вы до сих пор сидите? – спросила Лиза, легонько улыбаясь тому, что они сидят такие подавленные. Почувствовав, что они пока не могут ничего толком сказать, продолжила сама: – Вы приняты на работу. Хозяин дал свое согласие. Он вами доволен.

Байшубар и Шертай удивленно переглянулись: «Где же он мог нас увидеть?» – и женщина, заметив это, успокоила их окончательно:

– Он вас видел из окна второго этажа. Работу начнете завтра с утра. У нас есть Асадилла-ага. Он конюх, сторож и дворник. Он же и баню растапливает. Он покажет вам, что нужно делать. А после обеда сводит в баню.

Братья, разинув рты, молча слушали Лизу.

– Здесь будет ваша комната, – сказала женщина и после небольшой паузы, посмотрев на них по очереди, добавила: – Ну, у вас есть вопросы?

В данный момент казалось, что Байшубар с Шертаем созданы только для того, чтобы слушать и внимать.

– Кстати, я не сказала о самом главном. Каждый из вас пока будет получать семьдесят тысяч тенге. Через месяц зарплату поднимем. Значит, для вас этот месяц испытательный... Не переживайте о том, что вас могут уволить через месяц. Я думаю, что вы очень исполнительные, аккуратные люди. Хозяин такого же мнения. Вот и все, что могу сказать.

Сказав это, она вышла в переднюю комнату, колыхнув подолом синего платья.

Братья, проводив ее взглядами, опять переглянулись. Это выглядело даже забавно. Лица, на которых еще недавно были написаны боязнь и сомнение: «Что нас ждет?» – теперь озарились радостью от неожиданно легкого исполнения желаний, хотя и угадывался след от страха. Хотя бы в том, что они, попытавшись рассмеяться, не смогли этого сделать, и это исказило их лица в непонятной, смешной гримасе...

Затем, подумав, что та женщина уже далеко, рядом никого нет, Шертай, не в силах скрыть восторга, спросил:

– Ага, она сказала семьдесят тысяч?

– Да, и я так слышал, – сказал Байшубар.

Они снова замолчали. Но это молчание было равносильно громкому смеху и тем шумным речам, когда говорят наперебой друг с другом... Теперь улыбались их глаза. О боже, они не просто улыбались – они сияли! Кровь бросилась им в лицо.

Пока братья сидели, утопая в блаженстве и не задумываясь, бывали ли в их жизни другие моменты такого счастья, вошла смуглая женщина лет пятидесяти, довольно миловидная, несмотря на возраст.

– Здравствуйте! – сказала она с теплой улыбкой, как давним знакомым.

Привыкшие со вчерашнего дня смотреть на всех с недоверием и робостью, они не смогли толком ответить. Шертай подумал: «Брат поздоровается...» И дьявол знает, о чем думал Байшубар, но выглядел он совсем потерянно.

– Пойдемте кушать, – пригласила смуглая женщина, улыбнувшись их растерянности.

Братья встали с места. Вышли следом за ней. Пройдя через весь коридор, вошли в крайнюю дверь. Везде были расстелены ковровые дорожки. Судя по тому, что дразнящий запах еды так и переполнял ноздри братьям, они пришли на кухню.

– Присаживайтесь, – сказала женщина, указав на стол, где стояла ваза, полная яблок и винограда.

Они со смущением посмотрели по сторонам, прошли, вяло переставляя ноги, и сели за стол. Были причины, по которым они так медленно двигались. Носок на правой ноге Байшубара был дырявым. Когда он собирался в дорогу, Шырай, перерыв все ящики и шкафы, нашла только эти, и Байшубар, чтобы не расстраивать жену, сказал: «Куплю носки, как только сойду с поезда». И теперь его нерасторопность объяснялась тем, что ему не хотелось, чтобы женщина-повар увидела ту самую дырку. Шертай же мешкал, потому что уступал дорогу старшему брату. Его носки были совершенно новыми. Он совсем недавно потратил свои тенге, приобретя в районном центре вещи специально для праздника в ауле.

Женщина, налив им по тарелке борща, сказала:

– Я повар. Меня зовут – Лолахан.

Шертай кивнул, словно говоря: «Хорошо». Байшубар сидел с застывшим лицом. Теперь он был в растерянности не от дырявого носка – его беспокоил вопрос, как приступить к горячему борщу.

– Впредь говорите мне заранее, что хотите кушать, – сказала Лолахан, ставя перед ними исходящий паром плов.

Шертай вновь кивнул, будто до этого привык к такому порядку, вкушая разнообразную еду. Байшубар все еще пребывал в том же состоянии заторможенности.

Наевшись досыта, они пришли в свою комнату. Осторожно прилегли на свои кровати. Оба до сих пор не верили тому, что с ними произошло.

Вдруг Шертай сказал:

– Ага, это чудесное место!

– Да, Аллах нам помог... – как-то без эмоций сказал Байшубар, все еще не вышедший из замешательства от внезапного везения.

– Если вдвоем в месяц будем получать сто сорок тысяч, мы же переплюнем Ералы?

– Да, это так. Но ведь они сказали, что месяц будет испытательный срок?

– Да пускай испытывают! Работа, которую поручат, наверное, обычная, человеческая.

– Конечно, – вяло ответил Байшубар, все еще не приходя в себя, хотя в душе ощущал огромную радость. Если найдется такой партнер, как Лолахан, он готов плясать и петь...

Через некоторое время братья, сильно уставшие от ночного недосыпа, долгой ходьбы возле почты, переживаний и разных мыслей днем, разинув рты, посапывали в глубоком сне.

Утром кто-то постучался к ним в дверь. Не ждавшие такого тактичного отношения, братья сначала удивились, затем со страхом посмотрели друг на друга. Шертай, как младший, осторожно встав с места, пошел и открыл дверь. Это была Лиза.

– Ну как, хорошо отдохнули? – спросила она приветливо.

Сегодня она была в красно-желтом платье. Это яркое платье так облегало красное тело женщины, что должно было притягивать жадные взгляды мужчин.

Лиза показалась Байшубару веселее и еще прелестнее, чем вчера. Перешагнув порог, она радушным приветствием подняла настроение все еще не обвыкшихся с обстановкой притихших братьев. «О, боже, сколько же у нее платьев...» – ошарашенно подумал Байшубар, как пастух, вдруг вспомнивший о скотине, пропавшей накануне.

Почувствовав себя свободнее, чем вчера, они наперебой проговорили:

– Хорошо! Спасибо!

– Асадилла-ага очень занят. Я пришла рассказать о работе, которая поручена вам... – сказала женщина, примостясь на одном из стульев ближе к двери.

Братья внимательно слушали.

– В конюшне есть три лошади. Ваша задача – пасти этих лошадей, убирать их стойло, вовремя поить. Асадилла-ага вам покажет и расскажет, как за ними ухаживать. Чуть позже характер работы поменяется. Со временем сами всё увидите.

Лиза, слегка улыбаясь им, внимающим каждому ее слову, подобно ученикам, продолжила:

– На улицу выходить нельзя. Не разрешается! Если что-нибудь понадобится, говорите мне. Один из вас может написать домой, что, мол, приехали и устроились на работу. Но письмо сначала прочитаю я. И сама отнесу на почту и отправлю. Потом письма писать будет не нужно. Присланные письма буду приносить тоже сама. Есть вопросы?

Братья поникли. То, о чем говорила женщина, вроде понятно... И в то же время вроде и не понятно... Им обоим не хватило смелости сказать: «Вот этого не поняли».

– Если у вас нет вопросов, сейчас пришлю Асадилла-ага, – сказала Лиза и вышла из комнаты.

После того как Лиза ушла, братья переглянулись. Лица их, конечно, были радостными... Но все же их смущало некое сомнение.

– Ага, чего им объяснять нам, как пасти лошадей?! – Шертай проявил горячность, свойственную молодости.

Байшубар сохранял сдержанность, показывая, что он взрослый человек, который раздумывает неторопливо и обстоятельно, и его ответ заставил себя подождать.

– Она ведь сказала, что вид работы со временем поменяется? Давай подождем, прежде чем говорить, что это легкая удача... Не чересчур ли то, что она сказала: нельзя писать лишние письма, нельзя выходить на улицу...

– В самом деле, похоже, что работа легкая, а порядок жесткий, – сказал Шертай больше успокаивая самого себя. Затем оба снова замолчали.

Асатилла оказался немногословным толстеньким смуглым старичком с круглой бородой. Он отвел их в конюшню, показал привязанных лошадей, место, где находится сено и корм, дал в руки лопату и метлу, которыми нужно чистить под животными, и пошел по своим делам. Объяснять что-либо еще было лишним.

Бадья-поилка стояла перед лошадьми. Овес был в одной бочке, пшеница в другой. Горячая и холодная вода, место для мытья коней – все было готово. Похоже, у братьев не было особого повода выходить из конюшни даже во двор, не говоря уже об улице,

Когда в тот же день вечером Байшубар собрался писать письмо, Шертай сказал:

– Ага, зачем спешить? Может, будет лучше, если наши деньги дойдут вместе с письмом!

Но Байшубар не согласился:

– Шертай-жан, для твоей снохи мы ведь дороже денег. Она не обидится, что мы не отправили деньги вместе с письмом.

И он достал бумагу и ручку. Шертай больше не проронил ни слова.

Конечно, ухаживать за лошадьми было просто развлечением: их надо было лишь напоить три раза в день и задать корм и сено. Братьям было так скучно, что иногда они убирались во дворе, поливали цветы и деревья, помогали Асатилле.

С первых дней пребывания здесь у них была мечта – увидеть хотя бы раз хозяина. Оказывается, настоящее имя хозяина – Ахмет. Хозяином, господином в знак уважения и почитания называли его работники. Об этом им поведала Лолахан. Тот самый хозяин, господин Ахмет представлялся им каким-то загадочным, таинственным человеком.

Иногда, лежа в кровати, они затевали разговор: «Кто же все-таки наш хозяин, какой он?» Шертай принимался расхваливать: «О, наверное, нет человека на всем белом свете добрее, честнее и щедрее его!» Если судить по словам Шертая, то можно было подумать, что это и есть коммунизм. Для понимающего человека, мол, нет лучше жизни. Он не обращал внимания на предостережения Байшубара: «Кто знает, у него строгий порядок, посмотрим, что будет».

– Ой, ага, зачем искать грязь под ногтями... Строгие порядки, заведенные им, разве не говорят, что он хороший человек? Люди в его подчинении такие добродушные, вежливые... Разве трудно это заметить? Если бы хозяин оказался негодяем и злодеем, как же люди, работающие на него, были бы добродушными и вежливыми?

Байшубар замолчал. Однако его молчание все же не означало согласия с младшим братом.

Братья не прекращали разговоры о хозяине, совсем не зная его. Иногда даже спорили, а потом соглашались друг с другом. Но вот пришло время, и им удалось увидеть своего хозяина.

Как-то, встав очень рано, они напоили лошадей, положили им сена и помыли руки водой из-под крана возле бассейна. И тут из двери особняка вышел смуглый, грозного вида человек с торчащими усами. Байшубар и Шертай посмотрели на него, сразу оробев. Потому что никто из них не усомнился: это и есть хозяин. Крупный мужчина, одетый в новую просторную синюю пижаму в полоску, увидев их, постоял недолго, затем снова скрылся в двери большого дома.

Братья, вернувшись в свою комнату, какое-то время сидели молча, будто были чем-то напуганы.

Вдруг Байшубар обратился к Шертаю:

– Ты видел хозяина?

Шертай молчал.

– Я же говорил тебе, давай подождем, прежде чем расхваливать... Хозяин явно очень суровый человек... Вот так...

Шертай вновь не смог ответить брату и промолчал.

Вечером того дня, когда они впервые увидели Ахмета, погода испортилась. Удивительного в этом ничего не было: на дворе стоял конец ноября, и до декабря уже рукой подать. Однако изменение погоды заставило братьев задуматься, потому что одежда на них была для теплого времени года, да и та совсем износилась. Обычно они не выходили на улицу, перемещаясь лишь между своей комнатой и конюшней, поэтому не особенно ощущали холод.

Поскольку Байшубар был старшим, ему приходилось заботиться обо всем, и он ходил в сомнениях: «Сказать об этом Лизе или потерпеть еще немного?»

В один из дней шофер хозяина, запыхавшись, принес к ним в комнату огромную сумку. Вслед за этим заявила и Лиза. Братья не осмеливались спросить: «Что это?» – нужно было сохранять вежливость.

– Решили обновить вашу одежду, – радушно сказала Лиза, улыбаясь, как обычно. – По-моему, я угадала с размерами. Хотя нужно примерить. Ну-ка, примерьте.

Сказав это, Лиза, а затем и шофер покинули комнату. Глядя друг на друга в изумлении, братья посидели еще немного. Конечно, оба были несказанно рады. А их спокойствие объяснялось сдержанностью, а вместе с ней и скромностью: «Что нам делать? Ты откроешь или я?»

Наконец Байшубар, решив открыть сумку, поднялся с места. Чего только там не было!.. По паре нижнего белья для каждого, две пары теплых ботинок, два костюма, две теплые куртки, две ушанки... Даже о теплых перчатках не забыли.

Одевшись во все новое, они ходили по комнате туда и сюда. У них и в мыслях не было расхвалить одежду друг друга – каждый был занят своей обновкой. Восхищались тем, что куртки теплые, изумлялись, что одежда новая и впору. Одним словом, они были вне себя от радости. От счастья, как дети, едва не выбежали во двор.

– Видишь, я же тебе говорил! Наш хозяин – самый милосердный, щедрый человек на всем белом свете!.. Сбылись мои слова, – сказал Шертай, вновь поднимая тему, по которой они не так давно спорили.

На этот раз Байшубар не проронил ни слова.

В начале декабря от Шырай пришло письмо. В конверте была фотография, где они сняты втроем: Шырай, Аликул и Бейсен. Не спрашивая разрешения братьев, письмо сначала прочла Лиза. Однако никто из них не обиделся на это. Для братьев было безмерным счастьем читать письмо даже после Лизы. Особенно они обрадовались фотографии!

«Получив от вас письмо, мы потеряли голову от радости. Ликованию детей не было предела. Видимо, на всех нас снизошла милость Аллаха...» – взволнованно прочитали они. И потом перечитывали множество раз. Сначала читал Байшубар, показывая всем своим видом, мол, это ведь моя жена. Шертай спокойно слушал. На следующий день Шертай нарушил эту традицию.

– Я сам прочитаю письмо снохи. Отдай, – сказав это, подержал немного бумажку в руках и стал читать.

У него был чистый и открытый голос. При чтении таким голосом письмо казалось окрыляющим. Теперь Байшубара впечатляло не чтение, а слушание письма от Шырай.

Иногда даже во время отдыха после обеда или перед сном, наполовину раздевшись, он просил:

– Эй, Шертай, прочитай еще разок письмо от твоей снохи Шырай.

Тогда Шертай, набивая себе цену, говорил:

– Ага, вам не надоело слушать то письмо? Или хотите выжать из него масло, читая десять или сто раз?

Но быстро вставал с места и направлялся к потрепанному листочку в клетку, лежавшему на столе, и начинал читать, а Байшубар слушал. Закончив чтение, они, как в первый раз, снова разглядывали фото и через некоторое время ложились спать.

То, что братьев тянуло вновь и вновь перечитывать письмо, было вполне объяснимо: раньше они никогда надолго не покидали аул, и за месяц успели соскучиться по домашним, к тому же письмо показывало, что им есть чем гордиться – они заставили радоваться родных, оправдали их доверие.

Как-то раз между ними произошел такой разговор.

– Почему сноха написала такое короткое письмо? – спросил Шертай так обиженно, точно говорил это лично Шырай.

– Ну, кто же знает... – ответил Байшубар ободряюще.

– И почему она выглядит уставшей? – сказал Шертай, вновь рассматривая фотографию.

– Есть ли кто-нибудь в нашем ауле, кто не выглядит уставшим?

– Ее усталость заметна по тому, как она повязала платок на голове. Хотя бы правильно застегнула пуговицу камзола... Выглядит неряшливо, словно только что принесла дрова из леса.

На этот раз Байшубар промолчал. Но про себя подумал: «Бедняжка, как же ей не выглядеть неряшливо. Она ведь днем и ночью в переживаниях...» Он сидел в раздумьях, как вдруг вспомнил про фотографию Сиякуль, переданную для Ералы.

Встал с места, как был, в исподнем подошел к костюму, висящему у порога на вешалке, вытащил из внутреннего кармана фотографию и стал рассматривать жену и детей Ералы.

Теперь в руках обоих были фотокарточки. Они рассматривали их, сравнивая жен и детей двух семей, менялись и смотрели снова, положив их рядом...

Наконец легли на свои места. Каждый был занят своими мыслями. И в их молчании сквозили и печаль, и радость. Они впервые ощутили, каково это – иметь близких, которые скучают по тебе, придавая силу, энергию и надежду.

Так или иначе, день, когда братья прочитали первое письмо из аула, был счастливым и надолго запомнился им.

В середине декабря Байшубар и Шертай получили свою первую зарплату. Это событие тоже очень сильно обрадовало их. Да и как же не ликовать?! Когда Лиза принесла и вручила им два конверта с семьюдесятью тысячами тенге в каждом, они были просто вне себя от счастья. Много лет не видевшие наличные, они едва дождалась, пока Лиза покинет их комнату, и принялись открывать свои конверты. Они держали в руках новые, точно только что напечатанные на станке купюры, поглаживая их пальцами. Потом посчитали. Словно договорившись мысленно, пересчитали несколько раз... Как ни считай, а шелестящих тенге было ровно семьдесят тысяч. Ох, как же сияли, блестели их глаза! Оба наперебой принялись расхваливать хозяина. Слова благодарности звучали и в адрес Лизы... Не было справедливее людей, чем они. Их называли щедрыми, расточительными...

Шертай в порыве счастья даже заговорил высокопарными словами:

– Братец, люди, у которых есть такой хозяин, самые счастливые, достигшие заветной цели, не так ли? – сказал он так, что Байшубар, вспомнив пламенные речи на нескончаемых собраниях советских времен, стал аплодировать.

Но когда пришло время отправлять деньги в аул, в их отношениях появилась некоторая напряженность. Когда Байшубар сказал: «Надо и нам что-то иметь про запас в кармане, давай оставим по десять тысяч тенге», – Шертай же тотчас вспылил:

– Шырай заботится о двух детях, об их еде, одежде... Сама выглядит неряшливо – кажется, только что дрова из леса принесла. И кое-какие долги есть перед соседями... А мы живем здесь, как ханы. Не можем даже доесть вкусную еду, которую нам готовит Лолахан... Одежда есть... У нас, слава богу, всего-то дел – присматривать за лошадьми. Разве в истории казахов был кто-нибудь, кто ухаживал бы за лошадьми за семьдесят тысяч тенге?! Ага, ты как знаешь, а я не возьму себе ни тенге. Отправлю все снохе.

Шертай, видимо, из-за того, что соскучился по дому, совсем расчувствовался и, высказав все это, расплакался, как ребенок. Байшубар не стал утешать младшего брата, но его пыл немного остыл. Желая найти какой-то повод и промычав: «Здешние-то ведь будут думать, что мы получили зарплату...» – взял одну из пятидесяти тысяч купюр, сунул в нагрудный карман, остальное положил в конверт. Шертай семьдесят тысяч оставил целиком.

На следующий день Лиза, вручив им справку с почты об отправке денег домой, радуясь за них, сообщила еще одну хорошую новость. О том, что им повысили месячную зарплату до ста тысяч тенге...

Вначале, когда во двор вошли хилые, как после болезни, бедновато одетые джигиты, Асадилла и Лолахан посочувствовали им. Теперь же благодаря легкой работе и обильной еде Байшубар и Шертай окрепли и поправились. Особенно располнел Байшубар: еще немного, и у него появится живот. Это и понятно. С утра до вечера поил и ухаживал за тремя лошадьми один Шертай. А Байшубар все время спал. Если не спал, то смотрел телевизор. Он засыпал, даже когда по телевизору смотрел какой-нибудь фильм. Шертай да и сам он были удивлены такой сонливости.

Если кто-то думает, что у Байшубара в голове были только сон и телевизор, тот сильно ошибается. Кто-то догадается, а кто-то нет, но в последнее время ему нужна была женщина. Его желание было настолько сильным, что он уже перестал спрашивать Шертая, как тот управляется с лошадьми. Долго упрашивая Лизу, даже один раз сходил на базар в Саратане. Его целью было не разузнать о ценах на рынке или купить что-нибудь – он хотел подыскать себе женщину.

Расхаживая по базару Саратана, он, улучив удобный момент, подошел к худощавой женщине, торгующей семечками в углу, начал беседу, завлекая ее, как вдруг появился ее муж, и разговор принял такой худой оборот, что чуть было не началась драка. Ему повезло, что худощавая женщина оказалась злой стервой: «Из-за твоих обвинений я потеряла заработок, человек хотел купить семечки!» – орала она на мужа и тем самым спасла Байшубара. После того случая Байшубару больше не хотелось появляться на базаре.

Теперь ему пришло в голову пойти на риск и найти женщину, которая удовлетворила бы его желание, здесь.

Он стал думать о Лолахан. Несмотря на то что была она намного старше него, но сохраняла остатки былой красоты. К тому же он давно мечтал быть любовником такой полной женщины. Да и Лолахан вроде бы проявляла к нему интерес. Улучив момент, когда рядом не было Шертая и оказавшись с женщиной наедине, он взял ее за руку, даже поцеловал в щеку. Она не оттолкнула его, только краснела и смущенно улыбалась.

Смелости приударить за Лизой у него не хватало. Он думал, что этот шаг будет рискованным. Байшубар ничуть не сомневался в том, что в один миг может лишиться райской жизни и высокой зарплаты, связывая все это с Лизой.

А так он давно узнал от бородатого Асадиллы, что у них обеих нет мужей, и взял это на заметку.

Однако Байшубара интриговало другое: Лиза сама клеилась к нему. Когда Шертай был занят в конюшне, она приходила к нему в комнату, рассказывала о фильмах, которые недавно смотрела, или надолго задерживалась, делая вид, что советуется по поводу работ во дворе. Конечно, милый смех красивой женщины, запах духов манили и околдовывали его. Видимо, под воздействием этих чар, глядя ей прямо в глаза и держа ее за руку, Байшубар ощутил, как трепещет она от чувственности. Нет, это не испугало его, но он все же не решился поцеловать ее. Он не рискнул, потому что с самого начала считал опасным сближение с Лизой и твердо убедил себя в этом. «Мне этого хватит сполна», – заключил он. Но когда они встречались на кухне, во дворе, в коридоре, он смотрел на нее глазами, полными страсти – и, тем не менее, вождеделел Лолахан.

Теперь, когда Байшубар подыскивал помещение, где можно было бы уединиться с Лолахан, возникла серьезная преграда – то, что он живет в одной комнате с

Шертаем. Ему было стыдно признаться Лизе, мол, хочу отдельную комнату для себя, но все же понимал, что без нее этот вопрос не решить.

В один из дней Лиза, потянув его в сторону двухэтажного особняка, сказала:
– Кажется, вы что-то хотите мне сказать, но никак не осмеливаетесь...

Хозяина не было, он уехал в командировку в один из крупных городов. Обычно кроме Лизы, занимавшей комнату на первом этаже, и Лолахан, которая три раза в день носила еду хозяину, никто не осмелился бы даже подумать об особняке, не говоря уже о том, чтобы зайти в него. Потому Байшубар, с одной стороны, обрадовался возможности осмотреть особняк, с другой – ему было страшновато. Он немного растерялся, когда вошел в двухстворчатую дверь и увидел белые ковровые дорожки с красно-зелеными цветами, расстеленные справа и слева по коридорам и на ступеньках, ведущих на второй этаж. В коридоре было полно декоративных цветов, кустов и пальм... Огромные картины на всю стену... Люстры, с которых ожерельями свисали сверкающие камни... Все это придавало покоям особняка неземной вид. В домах, в которых Байшубар бывал, ему никогда не приходилось видеть такой красоты и богатства, разве что в зарубежных фильмах.

Неизвестно, сколько бы еще он так стоял, озираясь по сторонам, если бы не Лиза.

– Пойдемте сюда, – сказав это, она взяла его под руку.

Когда женщина приоткрыла, а потом закрыла коричневую дверь, его сердце сильно забилося в предощущении чего-то страшного. Не успел он осмотреться, как Лиза вдруг крепко обняла его. И не только обняла, но и стала страстно целовать его.

– Я знала, что вы хотите попросить отдельную комнату. Поняла... Сразу поняла, душа моя... Но мы не можем так поступать... Я очень... очень... стеснительна...

Байшубару происходящее представлялось мечтой, свалившейся с неба, счастливым мимолетным сном... Через минуту, осмелев, он принялся целовать румяное нежное лицо Лизы, ее белую шею. Его тело дрожало, млело, таяло, суставы теряли силы... Когда, слившись в жарких объятиях, они упали на кожаный диван, он все еще думал, что это сон. Но понял одно: в тот самый момент не нужно думать ни о чем...

Ночь они провели в комнате Лизы. На следующее утро Байшубар был вынужден пойти на завтрак. Лолахан, казалось, почувствовала что-то неладное. Она гремела посудой, нарочно бросала ложки и вилки перед ним. На ее лице уже не было приятной улыбки, а брови хмурились. Но все же она, как всегда, покормила их.

Шертай пришел позже со стороны конюшни. Явно что-то подозревая, он, не проронив ни слова, сел напротив брата и косо поглядывал на него. Байшубар не торопился что-то объяснять.

Они хранили молчание, даже когда пришли в свою комнату и отдохали, лежа на кроватях.

В тот день и Лиза не выходила из особняка. Она будто стеснялась показываться другим на глаза.

А Байшубар был не в состоянии думать о ком-либо, кроме Лизы. Перед глазами стояло только ее пылающее розовое лицо и улыбающиеся черные глаза. Он не хотел вспоминать о других в этом мире...

Забавным выглядело то, что он делал, когда поднимался со своего места: застыл перед круглым зеркалом у входа и, точно впервые видел отражение, долго рассматривал себя. Затем доставал из нагрудного кармана коротенькую расческу и расчесывал волосы. Иногда пальцами гладил, массировал свое лицо.

Некогда в ауле, смотрясь в зеркало, он видел почерневшего от загара худого мужчину. Торчащие в разные стороны волосы и изможденное лицо вызывали в нем такое отвращение, что после этого он два-три месяца просто не подходил к зеркалу. Сейчас у него был совсем другой вид. Лицо покруглело, посвежело. Пожалуй, даже можно сказать, что он не просто привлекателен, а настоящий джигит-красавец... Это были минуты, когда Байшубар так думал.

Ближе к полудню Байшубар уверенно вошел в особняк. Неважно, что подумают люди – пусть думают, что хотят. Все его помыслы, желания были заняты Лизой. Ничто другое не могло удержаться в его голове. У него не было не малейшей тяги даже к простой работе. Его не остановила даже тревожная мысль о том, что так он может запросто лишиться работы. Охваченный возбуждением, он стремился к цели, не представляя, что есть сила, которая сможет его остановить.

Лиза была в комнате одна. Она, видимо, ждала его и верила, что он придет. Когда Байшубар открыл коричневую дверь, она молча поднялась с места и пошла навстречу, раскрывая объятия...

После обеда они с младшим братом долгое время так же молча лежали на кроватях. Тишину нарушил Шертай.

– Под утро я видел во сне сноху Шырай, – сказал он обиженным голосом.

Байшубар не проронил ни слова. Он хотел ухмыльнуться, но остановил себя. «Вот дурачок, почему ты не хвастаешься, что твой брат стал любовником такой женщины? Почему не радуешься, не хлопаешь этому? Почему не оказываешь знаки уважения и почета, как пророку, своему бедному братцу, который держал в объятиях столь прелестную женщину? – думал он. – Шырай, видите ли, ни с того ни с сего ему приснилась. Боже, кто Лиза? А кто Шырай? Неряшливую сноху, которая будто только что принесла дрова из леса, он еще...».

Байшубар вдруг улыбнулся, повернувшись к стенке. Слова младшего брата и то, как Лолахан сердито гремела приборами за завтраком, его никак не задевали. Даже сейчас перед его глазами была только Лиза: словно только что очнувшаяся от сна, порозовевшая, с лебединой шеей... Байшубару ничего не было нужно, кроме Лизы.

Шертай после слов об утреннем сне недовольно бубнил еще о чем-то, но старший брат, лежавший спиной к нему, не услышал ни одного слова. Байшубар испытывал несказанное удовольствие. Вновь ухмыльнулся, точно в него вселился бес. Вытянул ноги, потянулся с наслаждением и зевнул. Не выспавшийся за ночь, похрапывая, бедолага погрузился в сладкий сон.

Для Байшубара этот день, эти события были сказочно прекрасными, ни на что другое на этом свете он их не променял бы...

Накануне нового года снова пришло письмо от Шырай.

Сначала его прочла Лиза, затем, когда она принесла конверт и хотела передать Байшубару, Шертай вырвал его. Это был явный знак – не для Лизы, но для Байшубара, дескать: «У тебя нет никакого права читать это письмо». Лиза лишь добро-

душно улыбнулась вызывающему поступку «деверя». Байшубар, наоборот, уступая ему, как-то смиренно съежился и лишь невнятно промычал себе под нос:

– Да, читай ты, Шертайжан, а я послушаю.

Но Шертай проявил немалое упрямство. Не желая озвучивать письмо жене, он читал его про себя. Письмо на этот раз оказалось длинным. Потому что, сообщив, как она была рада получить от них деньги, Шырай написала и о том, что купила на них, кому сама дала в долг, с какими долгами рассчиталась. Что и говорить, сноха подробно перечислила, сколько купила килограммов муки, риса, картошки, сахара. Но все эти перечисления нисколько не утомили Шертая. Он был воодушевлен, будто сам на спине отнес домой муку, рис и сахар. Его радость была сильна и полна сочувствия к снохе и племянникам. Он гордился всем этим. А как же одежда, которую купили для самой Шырай, Аликула и Бейсена? Обоим племянникам приобрели по фуфайке. Теплые ботинки, костюм, рубашку и нижнее белье каждому... Господи, он и не знал, что сноха так болтлива! Написав обо всем этом, она стала перечислять вещи, купленные для себя. Платье, платок... Легкая зимняя куртка, удобные сапожки на плоской подошве...

Изучая весь этот длинный список, Шертай подумал про себя: «Мы действительно отправили достаточно денег, чтобы купить все это? Сто сорок тысяч тенге... Из них пять тысяч Байшубар оставил себе. Какая же хозяйственная Шырай, что приобрела все это на сто тридцать пять тысяч тенге? Теперь, когда мы отправим двести тысяч, сноха окажется самой богатой женщиной во всем ауле Узынарык... И, пожалуй, жители нашего аула, да и соседних тоже, гуськом потянутся, чтобы попросить в долг у снохи...»

В письме было подробно рассказано и о других сородичах. О тех, кто болеет простудой... О тех, кто уже ею переболел... О тех, чей скот украли... О тех, у кого кончились запасы еды, и они перешли на простой суп из кукурузы и тыквы. Она не забыла упомянуть и о двух-трех семьях, которые забили скот на мясо и живут беззаботно.

Впитывая все это, Шертай был настолько упоён радостью, что забыл про брата, который дожидался, чтобы глянуть в письмо.

Закончив читать, он не сразу отдал письмо в руки Байшубару. Улыбаясь, еще раз пробежал глазами по неразборчивому почерку в письме. «Интересно, сколько классов окончила Шырай? Видимо, дальше четвертого не пошла». Затем, не обращая внимания на то, что каракули давались с трудом, принялся изучать то место, где говорилось о племянниках, которые от радости стали наперебой декламировать стихи.

Когда Шертай быстрым шагом вышел на улицу, всучив до этого письмо брату, ждавшему с умоляющим взглядом, на его светлом лице отражалась радость, румянец полыхал на щеках, глаза блестели – можно было подумать, что он только что побывал в Узынарыке. Широко вышагивая по направлению к конюшне, он вспомнил о припрятанных братом пяти тысячах. «Боже, даже тогда у брата были темные мысли. Как же я мог не заметить, а? – вспомнив об этом, Шертай сильно пожалел, что не вырвал из рук брата эти деньги. – На эти пять тысяч Шырай купила бы много всего! К примеру, пиалки, чайник, посуду, сладости...» Подумав об этом, он вдруг замер. «Шырай ничего не пишет в письме о теплых перчатках и шерстяных носках... Значит, ста тридцати пяти тысяч тенге не хватило на покупку теплых перчаток и шерстяных носков... Да, сноха, которую я знаю, не могла ни

о чем забыть. Она не сочла бы это мелочью». Недавно пылающее, улыбающееся лицо Шертай вдруг потемнело от злости, и он, сцепив зубы, охваченный гневом, размашисто зашагал в сторону конюшни.

Это письмо Шырай братья не обсуждали, как прежде. Каждый читал по отдельности, радовался и предавался мечтам по-своему. Шертай стал класть аккуратно сложенное письмо во внутренний карман, будто оно пришло на его имя. Когда Байшубар уходил в особняк к Лизе, он, уединившись, доставал этот листочек и принимался за чтение. Читая, он смеялся. Радовался. А однажды, перечитывая в конюшне написанные Шырай строки, разрыдался из-за того, что очень сильно соскучился по аулу, родным. Поплакав, он сразу повеселел, даже напевал и посвистывал, подбрасывая сено в ясли лошадям.

Шертай заметил, что Байшубар пару раз украдкой вытягивал письмо из его кармана, чтобы почитать. Но ничего не сказал.

Через неделю после того, как пришло письмо от Шырай, они, как обычно, после обеда отдыхали на своих кроватях.

Шертай вдруг начал разговор:

– Я напишу ответ Шырай.

Байшубар, лежавший на боку лицом к стенке, даже испугался.

– О чем ты говоришь? Нам же нельзя писать письма!

– Почему нельзя?

– Таков порядок...

– Но мой брат ведь любовник той, кто отвечает за порядок?

И Байшубар на это не нашел что сказать. Он не мог достойно ответить, потому что сильно растерялся, лицо его пылало от смущения.

Это была угроза со стороны Шертая.

...Разговор о письме не нашел своего продолжения. Они и позже не вспомнили о нем.

Снегопад, начавшийся в конце декабря, продолжился и после Нового года. Теперь много времени уходило на расчистку двора. Вместе с бородатым Асадиллой Байшубар и Шертай целыми днями разгребали снег.

В один из таких дней они во второй раз увидели хозяина, вернувшегося из дальней поездки. Был полдень. Чистившие снег с самого утра и слегка взмокшие от пота, работники на минутку остановились отдохнуть. Бородатый Асадилла, стоявший вместе с Байшубаром и Шертаем, опершись на рукоять лопаты, вдруг дернул бородкой в сторону особняка.

– Х-хо-зя-ин-н, – прошептал он, запинаясь.

Хозяин неспешно спускался по лестнице. Они ожидали, что он подойдет. Но он не подошел. Даже не посмотрев в их сторону, хозяин направился к железным воротам. На нем была коричневая дубленка, на ногах – зимние сапоги. Видимо, решив подышать свежим воздухом, он стал прогуливаться туда и обратно возле ворот. Замявшись, Байшубар глянул на брата, дескать, может, стоит пойти поздороваться? Шертай не выразил такого желания. Хозяин Ахмет не был похож на человека, ждущего от кого-либо приветствий. Он просто ходил туда и сюда. Погуляв немного, поднялся по лестнице и вошел в дом...

Асадилла, обуреваемый желанием попасться на глаза хозяину, пока тот расхаживает по двору, принялся с особым усердием кидать снег. К нему присоединился

и Байшубар. Лишь Шертай пристальным взглядом долго следил за перемещениями хозяина. Когда хозяин направился к дому, он, вспомнив, что чистил снег, снова принялся за работу, вонзая лопату в поскрипывающий сугроб.

Ахмет был теперь дома, и отношения между Байшубаром и Лизой на время приостановились. Потому что опасным казалось даже думать о том, чтобы переступить порог особняка. А в комнате с Байшубаром был Шертай. В один из таких тоскливых дней, когда Лиза открыла у себя окно, чтобы проветрить комнату, Байшубар, наверное, впервые в своей жизни поддавшись нахлынувшему чувству, тоже открыл створку окна. Как же долго со страстью смотрели они друг на друга... И какое же счастье, что их окна были напротив! Они не промолвили ни слова. Лишь упивались созерцанием друг друга. Вдруг Лиза, улыбнувшись, помахала правой рукой. Байшубар растерялся, поднял сначала левую, затем правую руку. И тоже улыбнулся. Первый раз в жизни он переживал такую сильную любовь... Неизвестно, сколько времени они так простояли. Наконец Лиза, снова помахав ему, закрыла окно, и он тоже прикрыл створку.

Позже, когда младший брат, весь день разгребавший снег, вернулся в комнату и спросил: «Зачем оставил окно открытым? В комнате очень холодно», – Байшубар промолчал. Ему и в голову не пришло возражать. Потому что целиком и полностью он был поглощен окном. Тем, что напротив – в большом доме.

Вечером этого же дня, когда Шертай, в спешке поев, вышел из столовой пораньше, чтобы покормить лошадей, Лолахан, не подавая вида, что ревнует, разливая чай, подседа к Байшубару, и они разоткровенничались. Она деликатно поведала об одной тайне: Лолахан была прежней любовницей хозяина, Лиза – нынешней. Даже то, что настоящее имя Лизы – Лейлагуль, Байшубар впервые услышал от Лолахан.

Сначала он заподозрил Лолахан в том, что она просто из ревности болтает ерунду. Но когда перед сном он хорошенько обдумал положение своей любимой, а затем, проснувшись утром, поразмыслил еще, то понял, что Лолахан нисколько не сочиняет. Он с интересом размышлял и над тем, что нисколько не возревновал Лизу, не почувствовал в себе никакой ненависти и не потянулся душой к Лолахан. Помнить теперь о хозяйне? Нет, это слишком тягостно и пугающе. И он снова принялся мечтать о своей Лизе. Он уже не мог не думать о ней...

Отношения между братьями наладились весной. Поводом для этого стало третье письмо от Шырай. Судя по тому, что она сообщала в письме, очередные двести тысяч тенге, которые они прислали, переположили весь аул. Якобы во время жертвенного обеда, который устроила Шырай для сельчан, гости говорили меж собой только об одном: «Боже, оба сына Кауынбая нашли высокооплачиваемую работу. Теперь во всем Узынарыке не будет никого богаче их!» Нашлись и такие трепачи, кто превратил эти двести тысяч тенге в два миллиона и раструбил по всем ближним и дальним аулам.

В конверт Шырай также вложила письмо на полстраницы, написанное каракулями второклассника Аликула. Это письмо их расстроило.

Письмо начиналось со слов: «Отец, Шертай-ага. Почему вы не приезжаете на каникулы? Мы сильно по вам соскучились. Вчера Бейсен плакал, говорил: “Хочу к отцу, дяде”. Мама тоже расплакалась. Когда они оба заплакали, я тоже не вы-

держал. Тоже расплакался. Почему вы не пишете письма? Наверное, вам некогда? Приезжайте на каникулы. Мы с Бейсеном встретили бы вас. Аликул!».

Читая письмо Шырай, братья воодушевились, довольные преувеличением своих достижений односельчанами, однако когда перешли к письму Аликула, притихли. Тоскливо насупившись, хранили молчание, и вдруг Шертай начал плакать. Поначалу из-за душивших его спазмов он плакал молча, но когда взял с тумбочки фотографию снохи и племянников, растравивших ему душу, разрыдался в голос.

Байшубар не знал, как ему быть: то ли утешать младшего брата, то ли плакать вместе с ним. Рыдая, Шертай вдруг, косо глянув на него, рявкнул:

– Ага, давай уедем!

– Куда?

– В аул... Хватит и того, что заработали...

Байшубар, не ожидавший такого поворота, вдруг сник.

– Шертай, мы потом не сможем найти такую работу...

– Пусть и так! Разве бывает такая работа? Порядок, который не разрешает писать письма в аул... отправлять фотографии...

Шертай, всхлипывая, вышел из комнаты. Байшубар, не знавший, к чему приведет этот разговор, остался сидеть растерянный и напуганный: «Если хозяева увидят слезы Шертая, что они могут подумать?» – и опасливо поглядывал исподлобья в сторону особняка.

После этого события братья сблизились. Они, как и прежде, после обсуждения первого письма Шырай, стали разговаривать по душам на кухне за трапезой, во время отдыха в комнате. И теперь они говорили только об одном – односельчанах и семье. Вновь и вновь они возвращались к общим темам, уже не раз обговоренным, даже во время ухода за лошадьми, когда, разложив корм, присаживались рядом на бортик деревянного корыта.

В один из таких дней Шертай, доведенный тоской, в сердцах сказал:

– Была бы моя воля, поджег бы, как брат Токашбай, этот сарай, разлучивший нас с близкими, и ушел бы себе... Подумаешь, сгорят сено и корм, они ведь принадлежат богачу. Даже если погибнет скот, найдутся же другие скакуны... Только одного боюсь: как бы случайно не получила ожоги сноха Лиза...

Байшубар при этих словах побагровел от стыда. Он чувствовал себя униженным словами младшего брата. Знал бы Шертай, что даже в ароматных объятиях цветущей красавицы он все думал и думал о них двоих!

От Лизы Байшубар узнал, что хозяин занимается производством лекарства из змеиного яда. Прежде он считал, что хозяин – большой бизнесмен, занимающийся торговлей между странами, – оказалось, это не так, и он разочаровался в Ахмете. Нагая женщина, нежась в объятиях Байшубара, угадав его мысли, сказала: «Вам же нужны его деньги, не так ли? Зачем вам знать, чем занимается хозяин? Разве не так?» И своим чарующим смехом перевела разговор на другую тему.

Но Байшубар, где бы ни блуждала его мысль, дожидался, пока утихнет звонкий смех Лизы, и вновь спрашивал:

– Почему вы не отпустите нас на несколько дней в аул? Боитесь, что не вернемся? Деньги же не отдаляют. Мы обязательно вернемся.

Женщина сначала хранила молчание. Затем с печальным видом, улыбаясь лишь кончиками губ, тихо роняла, будто утешала беспокойного ребенка:

– Вы поедете домой осенью...

По словам Лизы, спрос на лекарство из змеиного яда с каждым годом только растет. Похоже, что люди приезжают за ним из богатых и бедных стран.

– К примеру, этот джигит приехал купить лекарство, потому что фирма, которой он руководил, обанкротилась, – сказала она, указывая на высокого мужчину.

После ее слов Байшубар внимательно посмотрел на того джигита. Долго изучал его, но так и не понял причины, по которой тот решил свести счеты с жизнью. Ведь на нем была шикарная дубленка, а если его костюм и лакированные черные туфли продать на базаре – на вырученные средства какая-нибудь семья из Узын-арыка могла бы кормиться два года!

Как-то раз, показав фотографию невзрачной смуглой тощей женщины, Лиза сказала Байшубару:

– А эта женщина, устав от жизни, приехала за ядом для того, чтобы отправиться на тот свет со своими семерыми детьми.

Держа в одной руке фотографию, а второй обнимая нежное тело любовницы, Байшубар спросил:

– Ну, дали ей глоток яда? Проявили милосердие? – и засмеялся, как человек, привыкший не переживать по поводу чужого горя.

Лизе было не до смеха.

– Что ты говоришь? – резко одернула она. – Каждая капля яда на вес золота!

Потом, призадумавшись, сказала:

– Но, кажется, эта женщина вовсе не бедна. Серебряный браслет ее прапрабабушки – очень ценная и редкая вещь... Он сейчас на руке хозяина.

Обнимая и лаская Лизу, Байшубар готов был принять логику банкрота, жаждающего смерти, но был поражен небывалым желанием женщины умереть всей семьей. Он даже посчитал это безумием. Но отпуская Лизу из своих объятий, он заметил на лице любимой, особенно в ее глазах, глубокую печаль, и, обдумывая потом все это, понял, что было бы очень неуместно судить о той несчастной женщине, как об идиотке.

Несколько дней он размышлял над головоломной темой о превратностях людских судеб и никак не мог уложить всё в голове, поэтому перестал думать об этом, дав себе обещание больше никогда не обсуждать такие вещи. Он придумал свои способы, как избавиться от назойливых мыслей. Каждый раз, когда в памяти всплывал облик джигита в дубленке и лакированных черных туфлях, Байшубар спешно, словно отбивал атаку врага, переключался на мысли о своей Лизе. Если несчастный парень не покидал так легко его голову, он представлял Лизу нагой... и тогда находил отдохновение. Потому что обнаженная Лиза даже в мыслях являлась великой таинственной силой, заставляющей забыть обо всем и прогнать любую напасть на этом на свете. Если же ему мерещилась худая некрасивая женщина, намеревавшаяся забрать с собой на тот свет семерых своих детей, он принимался думать о своей жене Шырай с двумя детьми. Даже если она выглядела неопрятно и неряшливо, силы этой Шырай хватало, чтобы выгнать тяжелые мысли из головы мужа...

Ни одной из этих тайн Байшубар не поделился с младшим братом. И не собирався посвящать его, рассудив, что порывистому юноше с неустойчивой психикой еще рано знать о таких вещах.

В середине мая Шертаю должно было исполниться двадцать. Байшубар хотел порадовать младшего брата и сообщил об этом Лизе. Она, то ли искренне, то ли из желания угодить ему, произнесла с особым расположением: «Ого! Это же большой праздник!» – и они с Лолахан принялись накрывать на стол.

Во время ужина, приготовленного по этому поводу, на почетное место за столом сел Шертай. Байшубар, Асадилла, Лиза и Лолахан сели ниже. Главное – все были в веселом настроении.

– Хозяин сожалеет, что сам не может присутствовать, и передал свой подарок, – сказала Лиза, доставая из красивой коробки коньяк иностранного производства, и разлила его всем за столом.

Шертай пригубил немного, остальные выпили. Через некоторое время включили музыку, стали танцевать: Байшубар с Лизой, Асадилла с Лолахан. Байшубар, припрятавший пять тысяч тенге еще с первой зарплаты, подарил брату летнюю рубашку с короткими рукавами. Лиза вручила одеколон. Остальные тоже пришли не с пустыми руками: Асадилла подарил шахматную доску, Лолахан – игральные карты. В этот вечер долго гуляли, танцевали, пели дуэтом. Хорошо, что господин Ахмет, уехавший с водителем в гости, не возвращался до полуночи, – день рождения Шертая отпраздновали от души.

Захмелевший Байшубар, оставшись наедине с братом, говорил уже заметно сбивчиво:

– Ты доволен? Мы же хорошо отметили твой день рождения! – спрашивал он, желая подбодрить брата.

Но Шертай все же был не очень-то весел. Не то чтобы рад, а даже расстроен:

– Как же мне быть довольным, ага... Если за этим столом на дне моего рождения не сидели Шырай, племянники Аликул и Бейсен...

Сказав это, он заплакал. Услышав имена жены и детей, Байшубар тоже расстроился.

– Шертай-жан, конечно... Ты верно говоришь. Без Шырай, Аликула и Бейсена... – сказал он, размягченный, и, расчувствовавшись, всхлипнул.

Больше они не стали утешать друг друга. Один в слезах, другой всхлипывая – легли, повернувшись друг к другу спинами, как обиженные, да так и заснули.

Что ни говори, это были счастливые дни для братьев. Потому что у них была работа. Зарплату исправно переводили в аул. Сыты, обуты, одеты... Они даже располнели! Жаль, не разрешалось фотографироваться. Иначе жители Узынарыка, увидев их румяные, тугие лица, расшумелись бы еще больше.

Байшубар был особенно счастлив – у него была Лиза. Можно было не сомневаться, что о них знали все. Проведал об этом и господин Ахмет: недавно застав их на сеновале, он постоял какое-то время, глядя на белеющие голые ноги. Байшубар и Лиза заметили, как, мрачно прищурившись, смотрел на них хозяин. Но что поделаешь, если получилось так?! Хозяин постоял немного и размеренным шагом пошел в сторону особняка.

«Теперь все кончено. Меня уволят с работы», – думал Байшубар. Ещё больше он беспокоился, как бы все это не сказалось плохо на младшем брате. Но хозяин хранил молчание. Так было и на следующий день... И еще через день... Настроение Лизы, кажется, не изменилось. Байшубар подумал: «Вот герой! Какой же он

все-таки щедрый человек... Другой бы выкинул меня со двора, как собаку. И не только вышвырнул бы, как пса... Что бы я делал, если бы он наставил ружье? Кто и как смог бы заступиться за меня?»

По словам Лизы, хозяин вел себя сдержанно, потому что был в добром расположении духа. Увеличился спрос на его лекарство из яда за рубежом. Это еще не все: в последние месяцы цена поднялась в пять раз.

– Сейчас нашему господину все время везет, – сказала Лиза в особо приподнятом настроении, когда они сидели, обнимаясь и ласкаясь, на дорогом кожаном диване. – Если в этом году он приготовит достаточно снадобья, то за один год может заработать пять-шесть, а может, и десять миллионов долларов.

Лиза глянула в окно во двор, потом на коричневую дверь, затем почти шепотом сказала:

– Я открою тебе один секрет... Недавно один президент отправил человека к нашему господину за лекарством. За дороговущую цену! Понимаешь, президент не из тех людей, кто не может найти лекарство... или кто экономит деньги... Значит, наше снадобье из яда... – сказала Лиза, как-то скользко улыбнувшись Байшубару, и вдруг замолчала.

Он сразу же спросил:

– Президент какой страны?

– Осто-оро-ожно-о! – сказала Лиза, поднося указательный палец к накрашенным губам.

Если не отвлекаться на мысль, что мужчина, увидевший ее пухлые губы, невольно захотел бы поцеловать их, можно было бы бесконечно любоваться ее красивым указательным пальцем и бриллиантовым сверкающим кольцом на нем. Но на этот раз Байшубара просто одолевал вопрос про некоего президента, отправившего человека за ядом, дабы покончить с собой.

– Президент какой страны? – снова спросил он, повторив свой вопрос. Его настойчивость напоминала упорство лидера оппозиции, имеющего счеты с тем самым президентом.

Женщина, и без того с подозрением озиравшаяся по сторонам, сначала сделала вид, что хочет шепнуть свой секрет, слегка наклонилась к его уху и вдруг поцеловала в мочку, словно хотела посмеяться по поводу пыла Байшубара, чересчур заинтригованного недозволенным. Потом залилась смехом. Смеялась она долго. Ну, попробуй теперь понять госпожу Лизу!.. И попробуй рассердиться на госпожу Лизу..

Растерянный Байшубар был вынужден тоже улыбнуться.

В подтверждение слов Лизы во дворе Ахмета произошли некоторые изменения. Теперь у ворот стояла вооруженная охрана. Прежний черный джип был отдан в распоряжение Лизы и Лолахана для разных дел в городе, а сам господин взял себе белый джип – кажется, очень дорогой. Байшубар слышал, что в машине есть телевизор и холодильник. Лиза назвала марку машины, но Байшубар не запомнил иностранное слово. Братья даже не осмелились подойти и осмотреть машину.

К лету увеличилось число посетителей, тех, кто приезжал на разных красивых машинах к хозяину. Некоторые из них подолгу задерживались, общаясь с хозяином, у других на исчезновение уходило меньше времени, чем на появление.

Когда кто-то оставался на длительное время, чтобы поговорить с хозяином, Лиза и Лолахан на цыпочках относили на второй этаж особняка чай, фрукты, вино и напитки.

Однажды, когда уехала очередная группа посетителей, Лиза, войдя в комнату братьев, мягко сказала: «Скоро вы отправитесь на новую работу». Байшубар ничего не ответил. Шертай же был так рад долгожданной новости, что даже захлопал в ладоши. У него раскраснелось лицо и заблестели глаза. Наконец он выйдет с этого двора, ставшего для них крепостью-заточением, и чем дальше, тем лучше. И, конечно, он не стал скрывать свои надежды ни от единственного брата, ни от Лизы и громко крикнул «Ур-ра-аа!». Лиза, как обычно, ласково улыбалась, будто перед ней ребенок.

– Тетя Лиза, а кто поедет? На скольких лошадях? Можно, я поеду на белолобом гнедом? – говорил Шертай с нетерпением, спеша узнать все сразу.

Лиза улыбнулась словам юноши.

– Все станет известно, когда придет время.

Сказав это, женщина, стуча каблучками, вышла из комнаты.

Байшубар, видимо, желая сохранить достойный вид перед младшим братом и любовницей, не стал демонстрировать радость так явно. Но и не огорчился, услышав эту новость. Что ни говори, он тоже устал от долгого затворничества.

Когда братья раскладывали по тумбочкам мыло, зубные щетки, крем от загара, принесенные Лизой, Шертай зацепил край бумажного листа, приклеенного чем-то на дно тумбочки. Он потянул посильнее, и часть бумаги оторвалась. Шертай, бегло посмотрев на записи, хотел смять листок, но Байшубар вдруг схватил руку брата: он увидел на той бумаге очень знакомый почерк. Приглядевшись, он узнал почерк Ералы.

Они были одноклассниками. Сидели за одной партой. Писали вместе письма домой. Все ученики завидовали прекрасному почерку Ералы. Даже учителя при удобном случае ставили его в пример: «Писать надо, как Ералы».

На клочке бумаги были записаны имена односельчан, родственников, а также знакомых Ералы из соседних аулов, которые задолжали ему или которым он должен был сам. Долгов у него было больше. Байшубар хорошо знал людей, чьи имена перечислялись в списке. Он нисколько не сомневался, что клочок бумаги остался от Ералы.

«Значит, Ералы был здесь. В этой комнате... Он лежал на кровати Шертая... Где же он теперь? Почему никто из местных не рассказывает нам о нем?» – думал Байшубар, сосредоточенно рассматривая записку в руках. Он расстроился, почувствовав что-то недоброе. «Кстати, Сяякуль ведь рассчиталась со многими долгами из этого списка? Да, рассчиталась, – вспомнил Байшубар, снова пробегая глазами список. – К примеру, она вернула долги Токашбаю, Прали, Алдияру... Значит, этот список Ералы написал, как только оказался здесь...»

Байшубар сложил бумагу и положил во внутренний карман. Но ничего не сказал младшему брату, да Шертай и сам не интересовался, почему эта бумажка привлекла внимание Байшубара.

В очередной раз встретив Лизу, он спросил:

– Ты не знаешь джигита по имени Ералы? Он из Узынарыка...

Лиза немного помолчала, потом, слегка покраснев, все же ответила:

– Не знаю... Может, запомнотвала... – и по своему обыкновению улыбнулась.

На этот раз Байшубар не улыбнулся в ответ. Он увидел явное притворство и впервые посмотрел на женщину с презрением. Лиза поспешно встала с места, будто вспомнив о чем-то, и пошла в сторону выхода. Байшубар внимательно следил за каждым ее движением – но не с интересом, как обычно, а с нескрываемым подозрением.

За два дня до отъезда братьев Лиза принесла справку с почты о переводе четырехсот тысяч тенге в аул. Когда Шертай от радости снова чуть не захлопал в ладоши, Байшубар спокойно спросил Лизу:

– Каким образом денег стало больше?

Лиза не растерялась. Мило улыбаясь, она сказала:

– Хозяин очень расположен к вам... Поскольку в такую жару вы выезжаете на весьма серьезную работу, он выдал вам премию в размере месячной зарплаты. Вы довольны?

Байшубар на миг удивленно разинул рот, а Шертай, бывший наготове, начал громко аплодировать. Видел бы кто его радостное лицо... Даже ребенок не смог бы проявлять такую бурную радость, как он!

– Да здравствует наш хозяин!

– Молодец! – воскликнула Лиза и тоже принялась аплодировать. Затем, повернувшись к Байшубару, спросила: – А вы разве не рады?

Она положила руку на плечо Байшубару, все еще изучающему справку. И сделала это с таким кокетством, которое не оставило бы равнодушным ни одного мужчину. Скрытую под кокетством нежность почувствовал и Байшубар, поэтому, слегка растерявшись, ответил:

– Конечно, конечно, я рад...

– Тогда почему не аплодируете? Я же должна доложить о вашей реакции хозяину? А-а?

Звонкий смех женщины свел бы с ума даже самого дьявола, поэтому, когда она хлопнула по лопатке плечистого джигита, от его серьезного вида не осталось и следа – настороженность растаяла, он и сам не заметил, как принялся рукоплескать своими широкими ладонями. Ему было неловко от этого, и лицо его залила краска смущения. Но почувствовал неловкость он не только оттого, что стал аплодировать. О его отношениях с женщиной вдруг стало известно всем.

Пока братья соревновались в рукоплескании, Лиза, всем своим видом показывая, мол, ваша радость и моя, вышла на середину комнаты и стала танцевать узбекский танец, однако, обойдя так комнату, внезапно сильно засмушалась и выбежала, прикрывая лицо ладонями.

Женщины уже не было в комнате, но радость братьев утихла не сразу. Прекратив аплодировать, они всё не могли уgomониться, ощущая себя на седьмом небе от счастья, смотрели друг на друга ласково и радостно.

– Ага, чудесная ведь новость? Я же говорил, что наш хозяин самый щедрый и добрый на всем свете...

– В самом деле...

– Ага, как же будут рады, получив четыреста тысяч тенге, сноха, Аликул и Бейсен, а-аа?! – сказал Шертай, положив голову на плечо брата. – Бог знает, Аликул, наверное, снова напишет письмо. Бейсен тоже не останется в стороне, если выучил новые буквы. Даст Бог, когда вернемся с этой работы, получим их новые письма и будем читать.

Байшубар воспрял от счастливого вида и прекрасных слов Шертая. Расчувствовавшись, обнял младшего брата, притянул к себе. Такого у них не было с самого детства, и у обоих хлынули слезы.

У Байшубара был еще один повод для хорошего настроения: похоже, младший брат по широте натуры простил связь между ним и Лизой, ставившую его в неловкое положение.

– Ага, я хочу написать письмо Аликулу и Бейсену. Сейчас же напишу! – сказал вдруг Шертай, не находя себе места от радости.

Байшубар, обычно осмотрительный и осторожный, все же поддался сочувствию. Видимо, не хотел обижать младшего брата.

– Шертай-жан, как бы нам не испортить доброе дело,

– Не испорчу, ага...

– Как хочешь... Но сегодня никто не отпустит тебя на почту.

– Положу в почтовый ящик, как только приеду. Но позволь написать сейчас...

Шертай не стал ждать ответа брата, вытащил из стола листок бумаги, повернулся спиной, будто хотел поведать племянникам нечто секретное. Немного задумался, приложив к губам конец ручки. Затем принялся писать что-то на листке.

...Это был памятный день в жизни братьев, день особого счастья.

3

В ночь перед дальней поездкой они легли рано. Хозяин велел так сделать, передав это через Лизу. Когда они услышали, что «хозяин так сказал», не возражая, сразу стали раздеваться.

К утру Байшубару приснился сон.

...Братья ищут дорогу в аул. Узкая тропинка, по которой они пробирались, вдруг привела их к пещере. Байшубар почему-то замешкался, Шертай же не испугался. «Ага, дорога снова выведет из пещеры», – сказал он и вошел. Байшубар последовал было за младшим братом, однако пещере ни конца ни края не было видно. В страхе, задыхаясь, он бросился бежать, а когда был уже рядом с выходом, услышал громкий звук выстрела.

Ошеломленный ужасным звуком, Байшубар снова забежал в пещеру и проснулся...

...Открыв глаза, он увидел Ахмета, нависшего над ним с ружьем в руках. Вид был у него самый мрачный.

Байшубар, быстро протирая глаза, подумал: «Выстрелило то ружье, что было во сне, или это...» – однако был не в силах разобраться. То, что хозяин сам пришел их будить, стало полной неожиданностью... На миг Байшубару почудилось, что он по-прежнему видит сон. Но почему же тогда Шертай, вскочив с места, торопливо одевается?

Втроем зашли они на кухню, каждый, не присаживаясь, опрокинул в себя айран из большой пиалы, и сразу же вышли во двор. В конюшне Асадилла деловито седлал лошадей, Лолахан хлопотала, раскладывая по хорджунам еду, посуду и другие нужные в дороге вещи.

Накануне вечером Асадилла объяснил братьям, кто на какой лошади должен ехать. Сивая кобылица-пятилетка предназначалась хозяину... Рыжий жеребец-трехлетка – Байшубару... Гнедой с белым лбом – Шертаю...

Юноша был очень рад, что ему достался белолобый.

– А все-таки бог есть, ага! Надо же, гнедой достался мне! – сказал он перед сном, смеясь от счастья, и лег в кровать в приподнятом настроении.

Когда они выехали, все еще царили предрассветные сумерки. На улицах не было ни души. Даже соседским собакам было лень лаять. Видимо, было не до них... А скорее всего, они просто спали.

Сивая кобылица-пятилетка, бегущая резвой рысью, задавала темп следовавшим за ней коням. Когда всадники оказались за пределами селения, вступив на узкую тропу, которая косо срезала склон горы, заросший тамариском и верблюжьей колючкой, уже начало светать. Неподалеку слышалось мычание коров и лай собак, глухой и отрешенный. По голосам собак ощущалось, что они еще не очнулись ото сна... Хотя, кто знает, может, это для тех, кто сам еще был погружен в полудрему, все вокруг казалось таким же сонным... Даже пение птиц, доносившееся с неба и звучавшее над землей, звенело призрачно, как во сне.

Утренняя прохлада сразу при выезде дала о себе знать, братья продрогли, но затем то ли пообвыкли, то ли тряска лошадей их согрела, и они заметно приободрились. Их лица посветлели, лбы разгладились.

Вынужденные месяцы подряд видеть внешний мир лишь из окна комнаты, ощущавшие себя занемогшими птицами, запертыми в тесной клетке, теперь, внезапно оказавшись лицом к лицу с безлюдной степью, верхом на лошадях, они чувствовали себя так, словно широко распахнули дверь в новый мир. Гордо восседая на лошадях и умело управляя ими, братья украдкой поглядывали друг на друга. Как напоминание о том, что они удаляются все дальше от селения, ветки жынгыла, задевавшие штанины, колючки и камыши, касающиеся брюха лошадей, неизменно радовали их. Было очень странно видеть, с какой любовью путники смотрели на траву, кустарники и пыльную дорогу...

На небе ни облачка. Ясное небо, похожее на только что выстиранный голубой шелк, говорило о том, что будет жарко. Казалось, хорошее настроение было не только у путников, но и у коней – бодрых, тоже вырвавшихся из плена. За год нагулявшие жир от обильного корма, кони шли резво, сильной крупной рысью. Разгоряченные, грызя удила, они рвались вперед, просились на свободу.

Кто знает, что было на уме у других, но когда они подъехали к поросшему высокой травой склону, Шертай хотел отпустить повод белолобого гнедого, чтобы проверить его галоп. Раззадоренный юноша подумал об этом, когда разгоряченный гнедой, грызя удила, стал беспокоиться, норовя вырваться вперед. Но Байшубар придержал младшего брата строгим взглядом, значительно кивая подбородком на Ахмета, восседавшего впереди на сивой кобылице. Шертай, вспомнив про дисциплину и поняв, что его своеволие не потерпят, недовольно пробурчал: «Оказывается, и здесь порядок...» – и, с трудом справляясь с конем, натянул поводья. Молодой наездник намерен был подчиниться строю, но гнедой, показывая свой характер, обогнал рыжего жеребца-трехлетку и притерся было почти вплотную к крупу сивой кобылы. Демонстрируя норов, гнедой словно говорил всаднику: «Не стану повиноваться тебе! Куда меня понесет, туда и поскочу!» – но почувствовал, что нельзя не только обгонять, но и бежать рядом с сивой кобылой, и смирился с порядком.

Все той же быстрой рысью путники, миновав густой колючий тростник и дикую джиду, добрались до берега реки. Солнце уже поднялось, и все вокруг стало ясно и спокойно.

Байшубар слышал от Лизы, что на этой стороне Сырдарьи есть и паром, и мост. Но хозяин взял направление к местам, где не ступала нога человека. Он даже объехал несколько маленьких аулов в пять-шесть домов. Об их продвижении не узнали не только жители этих селений, но и бдительные собаки, лающие ради забавы на изредка забредающих сюда людей, – теперь со стороны аулов лай собак не было слышно.

Обычно в это время года река мелела, делясь на два потока. Хозяин не стал мешкать на берегу, а сразу пустил кобылу в воду, текшую широким разливом. Вода еле-еле достигала стремени кобылы. Рыжий трехлеток и белолобый гнедой последовали за ней. Выйдя на отмель, Ахмет не перешел через вторую излучину реки, а с полкилометра двигался вдоль мели вниз. У братьев была одна забота – не отставать. Даже если бы они задумались, почему не сделать иначе, у них не хватило бы смелости спросить об этом.

Проехав еще полкилометра, хозяин снова пустил лошадь в воду. Этот поток был глубже и сильнее. Ноги всех троих погрузились в воду. Возможно, не будь лошади такими упитанными, кое-где их несло бы течением... Животные, несомненно, оправдали хороший уход и обильный корм, которыми их обеспечивали братья всю зиму и весну... Впереди по-прежнему уверенно шла сивая кобыла, рыжий и гнедой следовали за ней, так и двигаясь по течению реки.

Когда они наконец выбрались на другой берег, а лошади стали отряхиваться, Байшубар подумал: «Интересно, сколько раз за год хозяин проходит этот маршрут? Он будто линейкой измерил, какая глубина в каком месте...»

Шертай все так же пребывал в восторге. Для него было чудесным все, что они делали: перейти через реку... выйти на берег... На губах застыла улыбка. Глаза были прикованы к горизонту... А порой, насмотревшись вокруг, взирал с открытым ртом на легкие облака на синем небе.

Перейдя вброд реку, путники снова двинулись по бездорожью, сквозь заросли дикой джиды и колючего тростника. Затем долго рысили по широкой долине с густо растущим тамариском и верблюжьей колючкой и так добрались до небольшого озера шириной в один или два километра. Видимо, озеро питалось весенними паводками реки, берег изобиловал густой и свежей травой. В разных местах берега темнели старые деревья джиды. Хозяин, доехав до одного их таких деревьев с густой тенью под ним, натянул поводья.

Сначала он, не спешиваясь, настороженно огляделся по сторонам. Затем слез с лошади и отдал поводья Байшубару, остановившемуся возле него.

Байшубар и Шертай спустили хорджуны на землю и напоили коней в озере, освободив от уздечек, затем сняли сбрую, спутали передние ноги лошадям и отогнали на выпас в сторону травы.

Время было полуденное, солнце уже входило в полную силу.

Хозяин, все так же с ружьем за плечом, помыл лицо и руки в озере, затем, устроившись в тени старого дерева, поманил работников пальцем, дав знак, чтобы ему принесли хорджуны. Он открыл только тот, в котором была еда. Сберегая до поры до времени соленую конину и консервы иностранного производства, ели овощи, картошку, курятину – то, что обычно быстро портится от жары.

Байшубар всю дорогу следил за Ахметом. Удивляло, что хозяин не был склонен беседовать по душам со спутниками, как это обычно бывает в пути. Мало того что не хотел вести разговоры, он вообще и словом не обмолвился за прошедшие полдня, а свои желания или веления обозначал движением подбородка или указательного пальца.

Напрасно братья ждали, что после сытного обеда с ними в теничке он приступит к открытому разговору. И когда Ахмет ел, на лице его был холод, и когда прилег на бок, чтобы отдохнуть, брови оставались нахмуренными. Байшубар окончательно потерял надежду, подумав: «Видимо, хозяин родился таким мрачным и умрет с тем же выражением лица».

Досыта наевшись, они отдыхали в тени старого дерева до самого заката.

Когда жара немного спала, хозяин с ружьем на плече пошел к озеру, чтобы освежиться. Братья последовали за ним, но не осмелились купаться рядом, а отошли в сторону и принялись раздеваться за ветками джиды.

Вернувшись на место привала, они по указанию хозяина подкрепились и стали готовиться в путь.

...Путники рысили весь вечер, потом всю ночь при лунном свете.

Сначала братьев радовал вид степи и чистый воздух, они смотрели по сторонам, наслаждались простором, но, увы, не могли поделиться сильными чувствами, порой обуревавшими их души. Поскольку хозяин, который ехал впереди, все так же безмолвствовал, они не решались на громкий разговор и вынужденно ограничивались короткими фразами, дескать, взгляни на это, посмотри на то.

Вероятно от того, что давно не ездили верхом, братья изрядно устали и после полуночи оба стали клевать носом. Шертай, по молодости лет нуждавшийся в ночном сне, был особенно изнурен. Он впадал в дремоту... и внезапно просыпался, вздрагивая. Приходил в себя и, опасаясь хозяина, едущего впереди, старался сидеть в седле прямо, но дрема опять одолевала, и он снова приходил в сознание, вздрагивая от испуга... Раз он чуть не упал с лошади – к счастью, Байшубар успел схватить его, шепнув на ухо: «Держись, хозяин может рассердиться».

Шертай стал осторожнее, опять сидел, выпрямившись, то и дело гладил себя по лицу. Слова брата о том, что хозяин может разозлиться, действительно напугали его, и он неотрывно смотрел на Ахмета, ехавшего впереди в легкой светло-серой одежде. Но когда перевел взгляд на полумесяц в небе... у него в зевоте раскрылся рот. Он зевал и зевал... Затем опять задремал... Снова, едва не рухнув с лошади, пришел в себя – и вовремя, так как к этому времени старшего брата, ехавшего на подхвате, разморило, и его голова то клонила к луке седла, то поднималась, мотаясь, как подсолнух на ветру.

Ближе к рассвету потянуло холодом. Шертай сильно продрог. Но то ли ему было совестно сказать брату, мол, замерз, то ли он боялся хозяина, – не осознавая этого и сам, он промолчал. А еще молодого джигита поразило, насколько был жарким день и как похолодало ночью.

Они ехали по местам, где в обозримом пространстве не было видно никакой растительности. Кони рысили по голой степи, и лишь кое-где встречались невысокие холмы. Теперь, в предрассветных сумерках, глухой топот копыт пробуждал в душах дремлющих людей импульсы страха, а когда лошади вышли на песчаные холмы, возникло ощущение, что они ступают по зыбкому болоту.

Это была окраина знаменитых Кызылкумов.

Лошади под сонными братьями настолько устали, что шли, едва переставляя ноги, когда наконец забрезжил рассвет. Впереди в полумраке виднелись как будто небольшие кустарники. Но когда путники немного приблизились, эти кусты оказались большими раскидистыми деревьями – саксауловым лесом. Сивая кобыла прошла еще немного, и хозяин остановил ее рядом с чащей рослого саксаула. Рыжий и гнедой тоже остановились.

Братья, протирая слипающиеся глаза, посмотрели по сторонам с единственной мыслью: «О, боже, неужели доехали?» – и ничего не могли понять. Они отдавали себе отчет лишь в одном: надо снять седла и хорджуны и спутать лошадей... Торопливо сделав это, они легли, подложив под голову седла, и сразу же уснули...

От того ли, что быстро выпался на свежем воздухе, или от того, что думал о деле, хозяин, как только встало солнце, проснулся первым. Не только очнулся, но и сразу же поднялся. Огляделся, внимательно осмотрел лошадей. Затем, достав из хорджуна бутылку из-под кока-колы с водой, тщательно умылся.

Проснувшийся Байшубар полежал немного, делая вид, что спит, и наблюдая за действиями хозяина, потом поднялся с места. Зевнул, потянулся, сделал несколько движений вправо, влево руками, разминаясь, потом бросил взгляд в сторону передвигавшихся скоком спутанных лошадей, пасущихся в разных местах.

Хозяин оставил бутылку на виду, и Байшубар тоже принялся умываться. В предутренней прохладе вода стала холодной и очень взбодрила Байшубара. Умывшись, он достал из своего хорджуна новое полотенце, которое дала ему Лиза, вытираясь, снова посмотрел на лошадей, затем на ветвистый саксаул, растущий там и сям. Он впервые видел живой саксаул со светло-зелеными ветвями.

Несмотря на то что солнце только поднялось над горизонтом, воздух уже казался раскаленным. Байшубару было знакомо палящее солнце и на рассвете, и на закате. Но этот пустынный жар был совсем другим.

Шертай, ввиду своей юности не привыкший вставать рано, спал беспробудным сном. На него даже жар солнца не действовал.

Ахмет вытащил из хорджуна короткую лопату. Потом кивнул подбородком Байшубару – дескать, следуй за мной, и направился в сторону деревьев.

Байшубар пошел за ним. В тени саксаулового леса круглым пятном росла невысокая трава. Дойдя до травы, Ахмет несколько раз погрузил короткую лопату в песок, затем отдал лопату Байшубару, дав понять, что теперь копать должен он. Байшубар много раз слышал от стариков, что копать колодец в песке легко – глубоко рыть не надо. Поэтому он сразу подумал о колодце, когда хозяин дал ему в руки лопату.

Копать и правда было нетрудно. Это даже казалось своего рода развлечением – раскидывать по сторонам осыпающийся мелкий песок.

Когда глубина ямы достигла колен Байшубара, песок стал влажным – его еще легче было разбрасывать по сторонам. К тому же сырость, идущая от песка, защищала от палящего солнца, Байшубар присел, чтобы немного отдохнуть. Как же было хорошо в этот момент! Чтобы и дальше копать самому, он в душе просил бога, чтобы хозяин не стал хвататься за лопату, а младший брат не просыпался... Вот глубина колодца достигла уже пояса, песок стал мокрым, и заинтересованный

Байшубар долго сидел на дне ямы, наблюдая за каплями воды, сочившимися с разных сторон.

Вернувшись на место привала, он увидел, что Ахмет и Шертай, расстелив газету в тени саксаула, готовили завтрак. На этот раз хозяин нарезал соленой конины, особенно много – казы. Он открыл и консервную банку с говядиной. На краю импровизированной скатерки красовался пятилитровый термос, на нем была надпись китайскими иероглифами.

Довольный щедростью хозяина и ранее, Байшубар в этот раз испытывал особую благодарность. Он предполагал, что в дальнем странствии Ахмет будет немного экономнее, оказалось – все такой же расточительный... «Но чем же нас на обратном пути будет кормить хозяин?» – подумал Байшубар, и тут его взгляд остановился на ружье. При виде ружья он немного успокоился, помыл руки из бутылки и сел завтракать.

Байшубар неторопливо ел, потягивал зеленый чай и рассматривал Ахмета, сидящего к нему боком. Несмотря на то что они уже довольно долго жили в одном дворе, ему только в этот раз довелось свободно разглядеть хозяина. В дороге он все время ехал впереди, а когда, оборачиваясь, давал какое-то указание, Байшубар не осмеливался смотреть на него прямо. Сам не понимая, по какой причине, но он все время робел перед этим человеком.

Даже сейчас господин Ахмет, взирающий куда-то вдаль, неторопливо пережевывающий еду, глотающий зеленый чай без сахара, выглядел очень суровым. Глядя на его короткую бороду, начинающуюся у седых висков, на усы с проседью, вряд ли можно было точно определить его возраст. Выглядел он и на пятьдесят, и на шестьдесят лет, а кто-то, качая головой, сказал бы, что ему все семьдесят – но, быть может, потом засомневался бы, заметив его энергичные движения, полные силы...

Байшубар только сейчас заметил, что глаза Ахмета, – имеющие кровянистый, как у тигра, оттенок, – умудренные и очень острые. Всматриваясь в эти глаза, он стал понимать, почему смущается и робеет, когда хозяин бросает на него взгляд.

Была еще одна странная вещь, замеченная Байшубаром: хозяин всегда держал при себе маленький радиоприемник. Он заметил это еще вчера, во время отдыха у озера. Время от времени посматривая на часы, Ахмет прикладывал радио к уху, когда передавали новости, слушал, а потом снова отключал. К музыке и песням он был равнодушен. Даже сейчас, первым закончив трапезу, он вынул платок из бокового кармана тонкого серого бешмета с короткими рукавами, торопливо вытер руки, вытащил из нагрудного кармана часы на цепочке, глянул на них и сразу начал настраивать приемник.

По радио передавали, что президент совершил визит в другую страну, о том, что состоялось очередное заседание парламента. Диктор рассказал и о новой школе, которую ввели в эксплуатацию в неизвестном для Байшубара районе... Когда диктор начал сообщать прогноз погоды, хозяин выключил радио и неожиданно повернулся к Байшубару. Каким суровым был его взгляд! Байшубар в сумятице чувств невольно посмотрел на младшего брата, – Шертай все еще сидел, пережевывая мясо. И тут Байшубар вспомнил о колодце. Он быстро встал с места, подумав: «Хозяин строго посмотрел на меня, намекая о колодце».

Выйдя из тени, он заметил, что стало очень жарко. Если уже так припекает, одному богу известно, какой будет жара в полдень!

Вода в колодце уже отстоялась. Байшубар, набрав в оловянную чашу, сначала попробовал воду сам – прохладная, чистая вода из песчаной ямы погрузила его в несказанное блаженство. Он даже вспотел. Шертай, наблюдавший за ним, тоже выпил чашку воды и попросил еще.

Через некоторое время Шертай пригнал лошадей. Осторожно переставляя ноги, чтобы не разлить воду из чаши, которую подал Байшубар из колодца, он поднес посудину к морде лошади. О боже, чаша воды для лошади была каплей – она выпила все залпом! Шертай побежал к старшему брату с пустой посудой в руках, и Байшубар опять подал воды, которая постепенно прибывала в колодце. Шертай снова, аккуратно переставляя ноги, шел к лошадям и поил их... Они, наверное, целый час так поили трех лошадей. Затем Шертай отогнал коней в тень саксаула, а Байшубар, твердо ступая по песку, принес чашу прозрачной воды хозяину.

Прежде чем выпить, Ахмет внимательно посмотрел на воду в чаше и повернулся к Байшубару. В его взгляде сквозило нечто, похожее на подозрение... Наконец он выпил воду. По довольному виду утолившего жажду хозяина было понятно, что он тоже испытывает блаженство. Однако Ахмет не проронил ни слова – Байшубар напрасно ждал, что тот похвалит хотя бы не его, а воду из колодца. Когда хозяин вернул чашку, в душе у него вспыхнула была надежда: «Быть может, сейчас он скажет, когда отправляемся в путь...» Но и эта надежда, не найдя поддержки, вскоре угасла. Ахмет только передвинулся в тень саксаула и лег у самого ствола, что, видимо, означало: здесь мы будем еще долго.

Ахмет лег ближе к стволу саксаула, потому что предвидел усиление пекла. В полдень наступила невероятная жара. При таком палящем зное не то, что находиться в пути, тяжело было даже оставаться в тени. Они спасались только благодаря воде из колодца. Братья все время пили. Помылись, обливая друг друга водой – это, с одной стороны, спасало от жары, с другой – развлекло их. Хозяин же лежал без движения. Изредка включал приемник, потом снова отключал, будто у него не было больше ни мыслей, ни дела.

После полудня стало невозможно ступать босиком по земле: песок обжигал, как горящие угли. Когда стало невозможно укрываться даже в тени разлапистых ветвей саксаула, братья, проявив находчивость, стали по очереди спускаться в колодец, чтобы охладиться. Они не считали, сколько раз пришлось им так сделать, но таким способом они смогли пересилить один день июльского пекла древнего Кызылкума, способного поджарить без огня любое живое существо.

...Путники вышли в дорогу, когда солнце село. Снова сивая кобыла трусила впереди, рыжий и гнедой позади. Лошади шли и шли по песку с изредка встречающимся саксаулом...

Наступила ночь. На небе сначала появились звезды. Показалась луна. Путники ехали без остановки.

Братья наслаждались вечерним видом пустыни, смотрели на звезды в небе, на белую луну, а после полуночи опять стали дремать. Шертая, который в полудреме чуть не свалился с лошади, дважды разбудил брат, ткнув его рукояткой камчи. Шертай не остался в долгу: в ответ разок так же ткнул брата.

Утомленный нескончаемой верховой ездой Байшубар с удивлением посматривал на хозяина, едущего впереди на расстоянии в длину одного аркана. Его несколько не волновало окружающее. Он даже не оборачивался, чтобы посмотреть по сторонам, – вел себя, как человек, знающий наизусть все холмы Кызылкумов,

каждый встречный куст саксаула, и только покачивался себе в такт размеренной рыси сивой кобылы. Ему и в голову не приходило повернуться и спросить у братьев: «Вы не устали? Как себя чувствуете?»

Байшубар снова задумался. Может быть, каким-то волшебным чутьем обладает не сам хозяин, а кобыла, на которой он едет? А подумал он так, потому что Ахмет ни разу не повернул ее, чтобы направить, и ни разу не ударил ее плеткой. Она сама находила тропу и одолевала песчаные холмы... Все же по виду бывалой лошади никак нельзя было догадаться, что она идет по тайным, не известным ни единой душе дорогам Кызылкума, заученным так, будто она днями и ночами ходила этими тропами. Рыжий и гнедой только плелись за ней.

Когда начало светать, они уже перешли пустыню, которая тянулась с юга на север. Впереди виднелась чаща густо растущих кустов саксаула. Они въехали в саксаульник, и сивая кобыла вдруг повернула на запад, пошла неспешной трусцой и вскоре остановилась с подветренной стороны группы зарослей рядом с небольшим возвышением, прикрытым ветками и высохшей травой.

Хозяин слез с лошади. За ним спешили Байшубар и Шертай. Сняли хорджуны, Шертай спутал передние ноги лошадей. По знаку хозяина Байшубар сдвинул сухую траву и ветки саксаула с холмика – из-под сушняка показалась дверь. Открыв дверь, он увидел, что кровлю шалаша в нескольких местах подпирают стволы саксаула. Поскольку не было ни окон, ни дверей, возникло ощущение, что в темном шалаше холодно, но когда они занесли внутрь хорджуны и расположились сами, а глаза привыкли к полумраку, то поняли, что это прохладное место спасет их от зноя.

Впрочем, пока братья были не в состоянии оценить удобство шалаша. Как только вошли, растянулись, подложили под голову свои хорджуны и крепко заснули.

Очнувшись, Байшубар не мог понять, какое время на дворе. Как бы то ни было, сквозь дверь шалаша проникало много света. А вместе со светом – дуновение горячего воздуха. Он заметил, что хозяин уже встал. Шертай в майке и трусах, разинув рот, покоился в глубоком сне.

Байшубар поднялся и вышел наружу. Вокруг царили тишина и спокойствие. Было очень жарко. Хозяин, как и вчера, помылся водой из бутылки. Байшубар тоже умылся, прополоскал рот, но вода, хранившаяся в хорджуне, за два жарких дня испортилась, пришлось ее выплюнуть. «Может, и сегодня мне придется копать колодец, – подумал он, вернувшись в шалаш. – Если надо копать, что же... буду копать!»

Глаза привыкали к темноте, и вещи приобретали более ясные очертания. Сидя на корточках, Байшубар посмотрел вверх. Кровля была сооружена из узловатых веток саксаула, плотно накрытых травой, а снаружи засыпана толстым слоем песка, поэтому, надо полагать, шалаш был хорошо защищен от жары и непогоды. Снег и дождь сюда не могли попасть... Байшубар задумался, бывает ли вообще снег и дождь в Кызылкуме. Когда его глаза окончательно привыкли к темноте, он заметил, что в дальнем углу шалаша что-то виднеется. Передвигаясь на коленях, он поднял ту вещь. Летние мужские туфли... «А, всего-то...» – подумал он и хотел было отбросить башмак на место, но внезапно что-то заставило его снова взглянуть на обувь...

– О, боже, это же... – выдохнул он, внимательно рассматривая туфли.

С каждой минутой он все более укреплялся в мыслях, что эти туфли принадлежали Ералы. И он был уверен в этом, потому что узнал их: когда-то они с Ералы приобрели две пары таких в Туркестане. Его собственная пара изнасилась еще

до прошлого лета. Да и как же им не истрепаться, если, как только он снимал их, Шертай тут же надевал и убегал по своим делам! А поскольку эта обувь была единственной более-менее приличной, он был вынужден ждать возвращения Шертая, чтобы, надев одну на двоих обновку, отправиться куда-нибудь. Другого выхода не было.

А туфли Ералы оставались вроде в хорошей сохранности. И совершенно целые. «Ералы был здесь! – обрадовался и одновременно заволновался Байшубар. – Значит, он тут работал. Ну конечно, куда мог надеваться здоровый парень? Скорее всего, мы здесь для того, чтобы его сменить».

Байшубар, наклонившись, достал вторую туфлю и стал внимательно ее разглядывать... Сомнения закрались в душу. Эту обувь давно уже не надевали. Потому что заскорузлая кожа высохла, а подошва была изогнута. Ее не только не использовали в этом году, к ней, кажется, вообще не прикасались в течение этого времени. Потому что она была облеплена песком.

Он снова принялся внимательно изучать шалаш, осматривая потолок, углы. Он питал смутную надежду, что, быть может, еще хоть что-нибудь осталось от Ералы. Однако на глаза не попадалось ничего особенного.

В углу стояла массивная стеклянная бутылка с завинченной крышкой. И тут он вспомнил, что хозяин привез с собой еще две таких же. Байшубар неспроста обратил внимание на бутылку: года два назад пришлось ему поработать в Шиели на заводе по добыче урана, и тогда группа работников, надев на себя специальные защитные костюмы, разгружала вагон с такими емкостями, наполненными азотной кислотой. Байшубар подошел к бутылке, нагнувшись, не спеша отвинтил крышку: там было немного жидкости, но цветом она отличалась от азотной кислоты.

Изучая кровлю, он заметил в щели между жердями саксаула моток пеньковой веревки и коробку спичек. В другой щели он нашел необычной формы шитую перчатку. Но он искал только то, что было бы связано с Ералы.

Передвигаясь на корточках, он сел рядом со своим хорджуном. И снова задумался о Ералы. «Все равно он где-то здесь. Даже если и не надевал туфли, износились они или нет, все равно, – где же ему быть еще? Какую же работу он выполнял? Видимо, хозяин купил ему другую, более удобную для работы обувь. Наш хозяин, если надо, для незаменимого работника купит не одну пару. Да, конечно, вот в чем дело», – подумал он, убедив себя в том, что Ералы работает здесь.

Радуюсь своим выводам, он лег, рассматривая потолок шалаша, откуда промеж узлов саксаула свисали там и сям соломинки, и стал насвистывать песенку. Мелодия, которую он насвистывал, ему очень нравилась, но тут неожиданно проснулся Шертай... Младший брат повернулся на другой бок, давая знать, что проснулся, но продолжал лежать в полудреме, желая еще поспать.

Байшубар, почувствовав неловкость, полежал немного и через некоторое время ползком выбрался из укрытия. Обойдя шалаш, он молча смотрел на густо растущий саксаул. Вышедший вскоре Шертай потянулся и зевнул, – кажется, он так и не выспался, – затем, взяв бутылку, умылся протухшей водой.

В это время из густорастущего саксаула появился Ахмет с ружьем на плече. Он шел так, будто закончил какое-то важное дело. Штаны его были подвернуты. Хозяин указательным пальцем дал знак братьям, застывшим при его появлении, чтобы они зашли в шалаш. Лоб его был мокрым от пота, как после далекой прогулки.

Все трое подкрепились едой. На этот раз хозяин достал из хорджуна и положил на газету, служившую скатеркой, мешочек джента из проса. Было трудно определить, осталось ли что-либо съестное в хорджуне. Байшубар, медленно жуя джент, вновь задумался о будущем: «Чем мы будем питаться, если придется работать здесь? И потом, на обратном пути?» Не придя к определенному выводу, он принялся утешать себя: «У нас же есть ружье...» Действительно, по пути им часто встречались кролики, а у берегов реки они видели жирных фазанов издававших громкий, будоражащий крик.

В этот день Байшубар был готов спросить у хозяина: «Ералы тоже здесь?» – но у Ахмета сегодня был совсем уж нелюдимый вид. Глядя на его с кровавистым оттенком глаза и суровое лицо, Байшубар вдруг подумал: «Неужели он убил кого-то или собирается убить?» – и не осмелился начать разговор. К тому же хозяин, точно догадываясь, что тот готовится сказать или сделать что-то, перевел на него свой пронизывающий, как у хищника, взгляд, и Байшубар мало того что не смог ничего сказать – он поперхнулся, чуть не подавившись едой.

После трапезы Ахмет налил им из термоса по чашке зеленого чая, и сам выпил одну пиалу. Попивая чай, он посмотрел на карманные часы и включил маленький приемник. Диктор рассказал, каких послов принял президент страны, и сообщил, что парламент ушел на каникулы. Затем поведал о построенном мосте в одном районе, о ресторане – в другом. Когда начали тараторить о премьерке спектакля в областном театре, Ахмет, как показалось, разозлился, не услышав того, что было нужно, и выключил радио.

После трапезы хозяин зна́ком дал им понять, мол, отдыхайте, а сам вышел из шалаша с ружьем и углубился в заросли саксаула. Его походка была быстрой, настороженно подобранной – показывающей, что направляется он по очень важным делам. Байшубар смотрел ему вслед с недоверием. Шертаю же было все равно – он до сих пор жевал свой джент. Когда хозяин скрылся из виду, он налил себе из термоса в пиалу чая. Ему стало неудобно, что сделал это по своей воле, и он вопрошающе посмотрел на старшего: «Ты же меня не сдашь?» Байшубар промолчал, лег, подложив под голову хорджун, и стал насвистывать, глядя на потолок. Ему не хотелось делиться сомнениями об обуви Ералы. Он воспринимал младшего брата как ребенка, которому нельзя доверять тайну... На этот раз, хотя он свистел без стеснения, мелодия вышла печальной.

Лежа так в прохладном шалаше, они завели разговор. Начал Шертай:

– Ага, если осенью поедем домой, давай не станем посылать деньги по почте, а возьмем их с собой? – выдал он свою заветную мечту...

– Возьмем с собой или перешлем по почте – какая разница? Это ведь все равно наши деньги?

– Нет, ага, давай возьмем с собой... Скажи Лизе об этом, когда вернемся.

Байшубар улыбнулся, подумав: «Хочет, чтобы я просил Лизу... Знает, что Лиза поступит так, как я скажу...»

Помолчав немного, Байшубар повернулся к младшему брату.

– Что будешь делать с деньгами, когда получишь? – решил он выпытать тайну.

– Хочу купить Аликулу и Бейсену по велосипеду.

– Одного велосипеда на двоих будет мало?

– Ага, давайте купим два... Пусть радуются. Пускай ездят на них из аула в аул, резвятся, как жеребята на жайляу!

У Шертая глаза заискрились улыбкой, когда он говорил об этом, предвкушая восторг и даже испытывая его, представляя вместе с Аликулом и Бейсеном себя еще на одном велосипеде.

– А что еще хочешь купить? – спросил Байшубар, подзадоривая брата.

– Ага, давайте вернемся в аул, как с базара! Наш аул ведь самый бедный, там не продают ни еды, ни одежды. Пускай будет той, когда мы приедем. Пусть этот день для жителей Узынарыка запомнится навсегда как день, когда дети Кауынбая вернулись из Саратана...

Вместо ответа, Байшубар закатился смехом. К его веселому смеху присоединился и младший брат. ...В тот миг шалаш в глуши Кызылкума, покрытый узловато-темными ветками саксаула и всевозможными травами, наполнился счастливым смехом. Братьев переполняло чувство родства и душевной близости. Они смотрели друг на друга проникновенными взглядами, глаза, сияющие от радости, казалось, озаряли полумрак шалаша. Шертай, как некогда в детстве, обнял брата... И, обнимая, начал шептать: «Бабушке в доме деда Прали, снохе в доме брата Токашбая... брату Алдияру и сестренке Бибитай... Сиякуль...» – перечисляя всех, кому хочет привезти подарки. Старший слушал его внимательно... Что было дальше, Байшубар не помнит. Вскрапнув, он уснул... После того как брат уснул, Шертай продолжал перечислять подарки, которые повезет в аул, размышлял о вещах для осеннего сезона, зимы, дал волю фантазии, немного поворочался и тоже стал засыпать.

...Байшубар вдруг проснулся от сильного удара в бок. Открыв глаза, он увидел стоящего перед ним Ахмета, который будил их прикладом ружья. Видимо, удар был сильным, потому что Шертай жалобно захныкал. Но когда хозяин во второй раз ткнул его прикладом ружья, тот замолчал. Редкое всхлипывание, в которое перешло хныканье, было жалким.

Выходка хозяина вызвала ярость у Байшубара. Нахохлившись, он хотел было ответить крепким словом, но посмотрев ему в глаза, вдруг затих. Даже потерял дар речи. Когда братья по команде хозяина выскочили из шалаша, Байшубар, выбежавший последним, не мог понять, полдень сейчас или дело уже к вечеру. Было ощущение, что он попал в нутро раскаленной печи. В спешке Байшубар успел надеть обувь, а Шертай, выбежавший босиком, в трусах, семенил на горячем песке, переставляя голые ноги с носочков на пятки и обратно, и на ходу накидывал на себя рубашку. Оба были без головных уборов – про кепки они и не вспомнили. Им чудилось в этой нестерпимой жаре, будто кто-то сыпал сверху на них горящие угли.

Однако хозяину было не до сопереживаний.

Ахмет указательным пальцем ткнул в сторону зарослей саксаула, и они побежали туда. Когда прошли уже достаточно, Байшубар обернулся – Ахмет шагал за ними по пятам. Ствол ружья смотрел им в спины. Вид у хозяина был такой, словно он убил кого-то или собирается сделать это. Увиденное ошеломило Байшубара. В предчувствии недоброго сердце заныло. Недавно бушевавшая в нем ярость исчезла, силы растаяли, он был в замешательстве. Как напуганный ребенок, он только и делал, что бежал и бежал... На песке виднелись недавние следы Ахмета. Байшубар следовал им. Шертай все так же вприпрыжку бежал рядом.

Жара, от которой они содрогнулись, когда выскочили из шалаша, оказывается, была еще терпимой. Вот когда они удалились от жилища примерно на полкиломе-

тра, то почувствовали настоящее пекло! Казалось, головы их обжигает пламень, и под ногами пылает огонь... Шертай теперь не бежал, а шел, прихрамывая, как инвалид...

Вдруг перед ними возник казан, установленный на сложенном из кирпича очаге. Байшубар заметил, что под казаном много веток саксаула. Рядом лежали знакомая им короткая лопата, вилы и стояли два стеклянных бутыля, такие же, как в шалаше. Похоже, что содержимое их было перелито в казан. Двурогие вилы больше походили на уродливую вилку...

– Стой! – рявкнул Ахмет, когда они приблизились к казану.

Его рычащий голос напугал бы кого угодно. Байшубар тоскливо подумал: «Хозяин впервые подал голос, крикнув на нас...» Байшубар остановился. За ним замер и Шертай. Но от жара песка он не мог стоять прямо, все время переминался, ступая то на носки, то на пятки.

Первое, на что теперь обратил внимание Байшубар, – колодец, стенки которого были оплетены ветками саксаула. На краю висело ведро. Рядом лежал пеньковый аркан, наполовину размотанный.

Ахмет не стал подходить. Направив ружье на них, он прорычал: «Завязывай!» Указательный палец был направлен на Байшубара, а глаза, налитые кровью, как у тигра, смотрели на Шертая.

Байшубар, услышав приказ хозяина, понял, что один из них должен обвязать канат вокруг пояса другого, а тот – спуститься в колодец. Однако зачем нужно спускаться в колодец. Расчистить дно? Или достать воду? От страха он окончательно потерял самообладание. Пугливо озираясь на хозяина, он не мог остановить на нем размытый взгляд. А когда поднял конец веревки, его левая рука затряслась. Он чувствовал, как все его тело неудержимо дрожит, и от ужаса не понимал, куда указывает хозяин. Что он хочет сказать: привяжи веревку к поясу брата или пусть тебя обвяжут веревкой?! В смятении он принялся обвязывать себя веревкой, но младший брат крикнул: «Ага-а-а!» – снял с себя белую рубаху и бросил ее на ветку саксаула. Байшубар наконец осознал, что Шертай имел в виду: «Может, я спущусь в яму?» Но, оглядываясь на хозяина, он все еще не знал, отдать ли конец веревки младшему брату, или хозяину нужно, чтобы он сам спустился в колодец. В это время Шертай с какой-то решительностью дернул за веревку и стал торопливо обматывать себя. Байшубар не понимал, сделал Шертай это из уважения к нему или во что бы то ни стало хотел спастись от палящего зноя. Из-за паники он был просто не в состоянии осмыслить это...

Шертай стал спускаться в колодец, а Байшубар принялся понемногу отпускать веревку. Как только голова Шертая исчезла в зияющем зеве ямы, оттуда донесся его истошный крик. Байшубар никогда не слышал такого пронзительного вопля ужаса. Видимо, находясь в глубокой прострации, он просто тупо смотрел на хозяина. Ахмет стоял все так же, уставившись на него и по-прежнему нацелив ружье.

– Отпусти веревку! – сказал он холодным голосом.

Байшубар оцепенел, только в этот момент осознав, что еще держит веревку. Пронзительный, полный боли крик слышался как из загробного мира. В тот миг Байшубар вспомнил о змеях... бездне змей.

По мере того как веревка опускалась все дальше, верещащий крик затихал. Но он еще звучал в ушах Байшубара... В какой-то момент его охватил порыв

броситься в колодец за младшим братом... Потом пришла мысль бросить эту проклятую веревку и бежать, куда глаза глядят!.. Но не осмелившись сделать ни того, ни другого, он, потерянно глядя на хозяина, вдруг ясно осознал, что он жалкий трус...

Ахмет в ответ на молящий взгляд Байшубара, чувствуя себя властелином всех песков этой пустыни, неистово рывкнул: «Тяни веревку!!!» И это был голос не одного Ахмета. Вместе с Ахметом на Байшубара орали миллионы людей. Боже что там миллионы?! Весь мир орал... Старые бесчисленные саксаулы, усеявшие Кызылкумы, барханы, кочующие из года в год, каждый месяц, – все они вопили... От этих криков Байшубар, теряя себя в гуле и головокружении, стал изо всех сил вытягивать веревку. Он был на грани жизни и смерти. Сейчас он даже не различал, спускает веревку или вытягивает ее из бездны. Он чувствовал лишь одно – даже в момент панического страха, потери своего «я» в человеке все же остается осознание своей чести или бесчестья. Это осознание было выше всего, высилось над ним горой, наблюдало со стороны за его действиями и мыслями... Байшубар, из последних сил, неистово вытягивая веревку, успел признаться себе в том, что он – предатель... Пусть так! Но каким бы он ни был предателем, он неодолимо хотел еще раз увидеть младшего брата. С такими мыслями он взглянул на тело Шертая, приближающееся к краю колодца...

О, ужас!.. Он увидел не тело Шертая, а нечто нечеловеческое, чудовищное. – Шерта-аай! – воскликнул он скорбно. Но затем у него вдруг пропал голос. Не было и мыслей, чтобы о чем-то говорить. Он не помнил о том, что стоит без головного убора. Он не ощущал жара палящего солнца. Будто весь мир вмиг оледенел, по его телу прошел озноб... В какой-то миг в голове обозначилось: «Я, наверное, вытащил не Шертая, а что-то иное...» Но это было не так... Он ясно различал очертания пальцев на руках и ногах...

Ахмет со стороны взирал на существо, вытащенное из колодца. Было видно, что для него ничего не изменилось, ничего не стряслось. Как человек, у которого все идет, как задумано, со спокойным видом он указал на тело и, кивнув подбородком в сторону казана, сказал:

– Клади!

Байшубар был в ступоре. Сначала подобрал короткую лопату. Потом бросил ее на землю, не в состоянии понять, зачем взял. Он оцепенел, не соображая, что ему нужно делать, и хозяин опять рыкнул:

– Вилы-ы!

И тогда до Байшубара что-то дошло. Пошатываясь, подошел к очагу и поднял вилы. Затем опять застыл, забыв, что с ними надо делать.

– Втыкай! – гаркнул жестяным голосом Ахмет.

Когда Байшубар осознал, что вилами нужно проткнуть чудовище, он закрыл глаза. Двинул орудием, больше похожим не на вилы, а на острогу для ловли сома.

...Положив нечто жуткое в большой котел, Байшубар разрыдался. Казалось, он только вспомнил, что должен плакать. Завывая, побрел он в тень и рухнул, как подрубленный, возле большого саксаула.

Ахмет, возможно, сжалившись над своим рабом, не стал мешать ему, дал выплакаться. Сам подошел и разжег огонь в очаге. Затем бросил еще несколько веток саксаула в огонь – рядом лежала груда веток, которые нужно было положить позже. Откуда-то принес и прислонил к казану длинную палку, обмотанную тряпьем.

Было очевидно, что все это спланировано заранее. Ахмет был в своей стихии: держался очень спокойно и совершенно не походил на того, кто раскаивается или, быть может, потом испугается содеянного. Как будто он занимался этим делом с самого своего рождения.

Через некоторое время хозяин снова встал на прежнее место и направил ружье на Байшубара.

– Размешивай!

Байшубар немного опомнился после долгих рыданий в одиночестве. И только теперь открылся ему истинный смысл слов, не раз слышанных во дворе большого дома в Саратане: «Работа... отправитесь на работу...» Только теперь он понял, куда подевался его родственник Ералы...

Он не сразу поднялся от крика хозяина. Сначала задрал голову, оглянулся, затем кое-как встал с места. Поразмыслив, понял, что сейчас не самое подходящее время ссориться с хозяином. Взяв длинную палку, встал подальше от казана и принялся размешивать жуткое месиво. Затем, выпрямившись, глянул в лицо хозяина. И этот взгляд укрепил его волю, пробудил импульс силы.

Стояла неимоверная жара. Но Байшубар не обращал на нее внимания. Палящее солнце, способное уничтожить весь мир, не казалось ему опаснее хозяина. Он хорошо понимал, что если и суждено ему умереть, то не от жгущего солнца, пропекшего всю пустыню, а от рук господина Ахмета.

Байшубар работал, перемешивая содержимое казана, но краем глаза продолжал следить за хозяином. Его разум полностью захватила мысль о мести. Однако что в его руках? Душу отравляло ощущение полной беспомощности и безысходности...

Жуткое существо в казане расплывалось, превращаясь в густую массу. Держа в одной руке ружье, Ахмет подошел, подкинул саксаула в огонь и вернулся на место. Как и прежде, ствол был направлен на Байшубара, только ему ружье перестало казаться таким уж страшным.

Поразмыслив, он понял, что в стеклянных бутылках была не азотная кислота. Он знал, что азотная кислота растворит не только человеческую плоть и кости, но и металл казана. «Что же это такое?» – спрашивал он себя в душе, не сомневаясь в том, что хозяин может в своих интересах достать любую вещь, какую пожелает.

В голове Байшубара роились всякие мысли. Но главной из них была – убить хозяина... Он понимал, что Ахмет его прикончит, если не убить его первым. А не сделает этого – и его может постигнуть участь младшего брата...

Содержимое казана постепенно приобретало голубоватый цвет, над поверхностью начал подниматься пар, и теперь летели мелкие брызги. Байшубар не обращал внимания на все это. Единственное, что было в голове, – он должен мешать это месиво. Его терзало предчувствие неизбежного: «Когда я закончу, что он заставит меня делать?» Надо было действовать! Когда он начинал думать об этом, то чувствовал, что хотя он еще слаб, хозяин уже не пугает его, как прежде. Ненависть постепенно побеждала в его душе страх.

Вдруг брызг от месива стало больше, и одна из капель, попав на левую ладонь, насквозь прожгла ее. На руке появилась дыра – сквозь нее был виден песок и остатки травы. Несмотря на нестерпимую боль, Байшубара охватило изумление от этого зрелища. «Значит, то, что я размешиваю – это яд, одна капля которого

может убить человека. Значит, колодец, стены которого сплетены из веток саксаула, кишит змеями?..» Байшубар почувствовал, как вернулась к нему надежда, даже какое-то подобие радости. «Выходит, в моем распоряжении смертельный яд, – осознал он через мгновение. – Так к чему мне бояться господина Ахмета?» Самообладание вернулось к нему, и он успокоился.

В это время отрава, кипящая в казане, стала ярко-голубого цвета. Хозяин, наблюдавший издали, подошел поближе, чтобы рассмотреть цвет жидкости, и наклонился вперед...

Байшубар сам удивился, как ему пришло в голову поднять и швырнуть палку, которой он размешивал яд, прямо в Ахмета.

Теперь голова хозяина, которого еще недавно он боялся, как самого дьявола, лежала, чудовищно обезображенная, в месиве в казане. Когда тело упало навзничь, ружье отлетело в одну сторону, маленький приемник из кармана – в другую.

Байшубар тяжело дышал. Настолько тяжело, что ему чудилось, будто дыхание это жарче пылающего солнца пустыни. Он чувствовал себя так, словно сбылось его самое сокровенное желание... Сделав несколько шагов, он присел на корточки, и на мгновение даже подумал, что счастлив, потому что дерзнул достичь заветной цели...

Перед его глазами мелькнул двор особняка в Саратане. «Они не знают, какой поединок произошел возле колодца, укрепленного ветками саксаула в песках Кызылкума, – подумал он, то открывая, то закрывая глаза, опустошенный, обесиленный и все же способный упиваться победой. – Откуда же им знать... Они уплетают вкусные манты и лагман, приготовленные Лолахан, и ждут возвращения хозяина в хорошем настроении. На этот раз из-за меня ваш хозяин не вернется домой... Я его окончательно уничтожил... Что вы станете делать со мной? Что будете делать, когда вместо хозяина верхом на сивой кобыле, с рыжим и гнедым на поводке, въедет в красивые железные ворота двора Байшубар, а-а? Что вы на это скажете, а-а? У вас от страха глаза на лоб полезут, настолько ошалаете вы от изумления! Теперь и дом, и двор, и все богатство в нем принадлежат мне... И ты тоже моя... Лизонька! Что же ты скажешь? Если я приду и лягу к тебе постель? Извиваясь, как лиса на снегу, ты бы лукаво улыбнулась, а я... Я бы начал новую жизнь в особняке с тебя. Сначала я бы дал тебе другое имя... Лейлагуль. Ты бы расцвела... госпожа Лейла. Что значит Лиза... Русское это имя или немецкое, одному черту известно... Ты лежала бы, усмехаясь, и скоро поняла бы, что я убил хозяина... Ты бы и слова не сказала... Ведь это так. Потому что тебе все равно... Может быть, я нужен тебе больше, чем господин Ахмет... Поэтому ты бы снова улыбнулась... Ты настоящая кокетливая лисица... моя Лейлагуль!»

Байшубар хотел убить Ахмета еще зимой. В то время он был безрассудным и легкомысленным – лежа на кожаном диване с Лизой, жарко целуя ее и не насыщаясь, он все время думал о ней. И находясь в своей комнате, следил за каждым ее шагом, когда она выходила, а потом заходила в дом! От него, днями валяющегося на кровати, ведь не было ни пользы, ни вреда, он просто предавался пустым мечтам.

...В мечтах... он хотел непременно жениться на Лизе и жить только с ней. Когда она окончательно будет принадлежать ему, он сядет на поезд, чтобы поехать в аул и попросить разрешения у Шырай. В разговоре с ней как бы невзначай расскажет, что у него в Саратане есть женщина, он приехал просить позволения жить с ней.

Сначала Шырай, проливая слезы в три ручья, разрыдается. Когда она расплатется, он подойдет и поцелует ее (даже если не хочет целовать). Он скажет, что будет часто приезжать в Узынарык, дети не будут сиротами. Он добавит и то, что пошел на такое дело ради детей, чтобы они ни в чем не нуждались. Он снова обнимет и поцелует Шырай (даже если не хочет целовать)... В мечтах он снова на поезде в приподнятом настроении ехал в Саратан.

...Еще одна грёза была об убийстве хозяина. Он воображал, как убивает его то на втором этаже особняка, то в темном углу хлева, где лежит сено. Иногда представлял, что стреляет в него или душит. «У хозяина шея толстая, хватит ли у меня сил, – думал он, мысленно измеряя пальцы своей правой руки, недовольный, затем измерял пальцы левой руки. – Если я стану душить его обеими руками, вероятно, достигну цели», – думал он и, на минуту испытав приятную истому, засыпал в мечтах...

Когда ему не хотелось спать, он лежал в своих бесполезных грёзах и усмехался, смотрел в окно, на Лизу, то выходящую из дому, то заходящую обратно, плавно, гибко покачиваясь...

Взгляд Байшубара упал на котел, на обезображенную голову хозяина, лежащую в нем, и он на миг ладонью правой руки сжал лоб. Он сделал так, то ли защищаясь от беспощадного зноя, то ли желая избавиться от назойливых мыслей, которые лезли в голову, то ли обвиняя себя, дескать, о, боже, что же я делаю... – он и сам толком не знал. Огонь под казаном вскоре погас. На том месте, куда упало отлетевшее оголовье палки-месилки, издали была видна вмятина.

...Вдруг перед глазами Байшубара появилось лицо Шертая. И если бы только лицо возникло... Он же снова, как наяву, услышал душераздирающий вопль, вырвавшийся в тот момент, когда братишка скрылся в колодце, – и Байшубар судорожно разрыдался.

Плакал он долго, затем вытер слезы подолом рубахи и поднялся на ноги. Походил из стороны в сторону. Но теперь у него не было желания смотреть ни на яд в казане, ни на чудовищно изуродованное тело хозяина, распластанное на земле. Все его мысли, все скорбные сожаления были лишь о младшем брате. «Что же я скажу, когда люди спросят: “Где останки твоего младшего брата?”» – думал он, всхлипывая. – Может, захороню отраву из казана? Ведь плоть и кровь Шертая в ней».

Остановившись на этой мысли, Байшубар взял короткую лопату и принялся за дело. Он выкопал большую яму с южной стороны казана. Копать осыпающийся песок не составляло особого труда, и через десять или пятнадцать минут яма была готова. Вилами с силой толкнул он казан. Голубая жидкость с плеском вылилась, казан упал на дно ямы, песок стал струиться на жидкость, и яма быстро оказалась засыпанной. Байшубару даже не пришлось закидывать ее песком.

Он опустил на колени и прочитал заупокойную молитву из Корана. После чтения молитвы провел руками по лицу, встал во весь рост и почувствовал облегчение – он исполнил последний долг перед младшим братом... Когда удавалось что-то удачно свершить, он обычно начинал посвистывать, но сейчас, вспомнив о своей привычке, не стал этого делать. Байшубар слышал, что когда тело человека умирает, его душа продолжает жить. Поэтому он не сомневался, что младший брат видит все, что он делает или собирается совершить.

Теперь он думал: «Что же мне делать с телом Ахмета?» Но у него не было и тени желания возиться с ним. Ему казалось, что, если он так же похоронит хозяина и прочитает молитву, Шертай не простит его. Он может и на том свете не простить... Оскорбить дух Шертая для Байшубара – непростительный грех. Он был готов ради Шертая обидеть весь мир... Но все равно не мог не думать об Ахмете. Дед Журка говорил во время поминальных трапез: «Человек, сознательно совершивший один грех, лишается божьей милости на всю жизнь». Он медлил, не желая принимать близко к сердцу слова деда Журки, но представил, как тело хозяина клюют птицы, обнюхивают и облизывают звери, и ему стало не по себе – ведь все они погибнут от отравы. И вот когда ему привиделось множество трупов зверей и птиц на барханах Кызылкума, под кустами густого саксаула он взялся за короткую лопату...

Байшубар принялся рыть яму около трупа. Конечно, для хозяина, усохшего в небольшой кокон, не нужно было большой могилы. Он выкопал яму глубиной по колено и толкнул вилами тело. Всего-то делов... Грунт вокруг ямы осыпался, и немного погодя яма наполнилась песком... Байшубар не стал читать молитву из Корана. Если дед Журка оживет и станет упрекать его за этот поступок, он будет упрямо стоять на своем, как человек твердых убеждений.

В это время солнце приблизилось к горизонту, жара спала. Байшубар взял хозяйское ружье, подобрал маленький приемник и побрел в сторону бархана, упирающегося одним краем в колодец.

Когда он поднялся на песчаный холм, солнце уже село, однако горизонт был охвачен красным заревом. Насколько знал Байшубар, это означало, что и следующий день будет знойным.

Вокруг только пески... торчащие саксаулы... Ни единой души... Кругом безмолвная пустыня. Еле подняв к груди нестерпимо ноющую левую руку, он стал высматривать лошадей: они со спутанными передними ногами сами двигались к колодцу. Байшубар долго не мог сообразить, поил ли хозяин лошадей утром. Он знал точно одно: когда они спали, хозяин работал без остановки, и все это кончилось вот так...

Байшубар вспомнил о маленьком приемнике и стал его настраивать. Где-то исполняли симфонию или кантату. Он не понял этой музыки, она ему не понравилась, и он снова покрутил колесико – послышались звуки домбры. Он соскучился по звукам домбры и стал внимательно слушать... Музыка закончилась, послышался бой часов. Это были вечерние новости. Диктор говорил о том, что премьер-министр встретился с бизнесменами, депутаты провели встречи в различных местах. Затем передали, что в одном из районов (он не расслышал, в каком) женщина, не выдержав бытовых невзгод, сначала отравила ядом своих семерых детей, а потом и сама покончила с собой. Подробности дела занимаются органы местной прокуратуры...

Байшубар, выключив радио, сразу подумал: «Это то, о чем говорила Лиза. Значит, она все же отравилась зельем, приготовленным хозяином». Он был сильно удивлен. Настолько, что не захотел ничего дальше слушать. «Вот оно что, а я-то думал: зачем он все время слушает новости по радио... Ему нужно было именно это... Выходит, он испытывал гордость за свой яд, проданный людям, за то, как он убивает?!»

На миг он вспомнил о серебряном браслете прапрабабушки умершей женщины. Он мог бы и дальше думать о женщине, отравившей вместе с собой семерых детей, и еще о разных вещах, если бы не внезапное зрелище у колодца, перепугавшее его до жути.

Сначала почудилось, будто мутная вода хлынула через край колодца. Но то была не вода, а змеи... Множество гадюк... Они выползали и выползали из ямы. Он впервые видел столько змей! Хотя Байшубар находился в стороне, от ужаса у него волосы встали дыбом.

В те минуты, когда он стоял возле казана, помешивая страшное месиво, его переполняла ненависть к змеям, своим ядом превратившим его младшего брата в чудовище, и он думал: «Если бы у меня было ружье, я бы уничтожил каждую из них!» И вот теперь в руках у него ружье... А змеи потоком струятся перед глазами... У Байшубара неудержимо тряслись руки, ноги, все тело. И в то же время он не мог не думать с облегчением о том, что вовремя поднялся на бархан. «Видимо, орда змей», – решил он.

Дед Журка говаривал: «Скопище змей – к большой удаче или к большому несчастью». Байшубар, конечно, не верил, что это зрелище к большой удаче. Разве не ждали его впереди беды? «И разве то, что я сегодня пережил, – не самое большое несчастье?!» – думал он в ужасе при виде множества змей, похожих на узловатые корни саксаула, число которых все увеличивалось. Змеи заползли на бугор, под которым был похоронен Шертай, потом туда, где было тело Ахмета... Замедлились, словно заметив изменение в рельефе земли. Затем поползли в сторону густых зарослей саксаула. Это было удивительно: пока змеи не скрылись с глаз, чешуя их блестела, подобно реке в лучах вечернего солнца. Двигаясь сверкающим потоком, они сгнули, как сквозь землю провалились.

Даже после исчезновения змей Байшубару было беспокойно на душе. В мыслях он уже без оглядки мчался верхом на восток, но на самом деле не мог сдвинуться с места. Ему казалось, что змеи сейчас заберутся на песчаный холм, где он сидит. Все вокруг пугало его. Широкая пустыня, покрытая песком... Лес саксаула... Изнывая от страха, Байшубар теперь нисколько не сомневался в том, что он трус. Сжимая в руках ружье, сел на корточки – он присел так от боязни. Ему мерещилось, что если он встанет, то его заметят змеи и другие звери, – страх угнетающей силой давил ему на плечи...

Поскольку левая рука его была неподвижна – ноющая боль не стихала, правой рукой он положил ружье на землю и все из-за того же страха взял маленький приемник – он думал, что успокоится, услышав обманчиво близкий человеческий голос. На включенной волне радио тоже говорили о змеях. «О, Аллах, да что же это такое! Неужели весь мир превратился в змеиное логово?» – подумал Байшубар удивленно и испуганно. Но стал внимательно слушать передачу о змеях.

«Известно, что с каждым годом становится все больше таких случаев, когда, не выдержав голода и природных катаклизмов, люди заканчивают жизнь самоубийством. До небывалой степени увеличилось также число состоятельных людей и чиновников, которые совершают суицид... Самым безболезненным способом ухода из жизни считается отравление, поэтому цена на яд в мире значительно выросла... В последние годы в разы возрос спрос на змеиный яд из Кызылкумов. Согласно исследованиям ученых, принятие яда змей из Кызылкумов приводит к легкой и безболезненной смерти... Таким образом, змеиный яд стал мечтой и благим желанием для тех, кто потерял всякую надежду».

Когда по окончанию передачи зазвучала печальная музыка, Байшубар выключил радио.

«Господи, что бы делал Ахмет, услышав эту новость?! Стал бы танцевать, наверное... Или петь своим грохочущим басом... В общем, наверняка не скрывал бы своей огромной радости... Вот бедолага!» Байшубар все еще размышлял об этом, когда выключил радио. «Если бы он дал змеям искушать людей, которых привел с собой, потом сваренный в казане яд разлил по стеклянным бутылкам, а затем, восседая на песчаном холме, внимал такой новости, то, наверное, не было бы человека, счастливей, радостней его. И не было бы на всем свете никого богаче его! Вот оно как...» Он даже пожалел Ахмета, которому не довелось услышать долгожданную новость. Сейчас он не ощущал прежней ненависти к нему. «Несчастный, умер, когда до счастья было рукой подать...» – подумал он.

Вдруг он вспомнил о президенте, который прислал за ядом своих нарочных, и снова включил приемник. Звучала домбра, но в этот раз музыка не привлекла внимания Байшубара – он ждал лишь новостей о змеином яде, сильно расстроенный тем, что сначала не вовремя отключил радио, а потом поздно его включил. Он не сомневался, что о том самом президенте уже сообщили. Вспоминая, как всю дорогу Ахмет не давал покоя приемнику, он подумал, что, скорее всего, хозяин знал, в какой день умрет тот президент. Бывают же несчастные правители! Правда, Байшубару раньше не приходилось слышать про таких президентов, которые ищут яд, чтобы расстаться с жизнью... Поэтому, хотя это никак его не касалось, он был сильно обеспокоен судьбой неизвестного президента, его трагедией. Сначала он думал: «Может, его народ постиг голод?..» Потом: «Или его дети выросли жестокими, беспощадными?» Как-то, беспечно валяясь на кровати, он уже размышлял об этом, уходя в фантазии. И ему тогда даже было жаль того правителя. А теперь в голову пришли другие мысли: «Может, он яд от Ахмета использовал не для самоубийства, а для того, чтобы убить кого-то другого. Если так, то чем он лучше господина Ахмета? И тот, и другой одного поля ягодки...» Подумав так, он внезапно возненавидел правителя. И не только правителя. Весь мир для него превратился в преисподнюю. И этот душевный груз томил его, он чувствовал себя обессиленным и усталым.

Теперь ему не хотелось слушать приемник. Угрюмо насупленный, он по-прежнему сидел на холме – сейчас он ни в ком не нуждался, ничего не хотел. Остатки страха покинули его, когда он открыл для себя, что хозяин оказался несчастным, а ему самому повезло.

«Если правда то, что люди, не жалея денег, соперничали за яд, сделанный из крови и плоти Ералы, то на что пошли бы они за яд, сотворенный из плоти и крови Шертая? Неужели стали бы грызться за него?» – думал Байшубар, все еще подавленный впечатлением от новостей про смертоносный яд.

Как-то раз слышал он из уст Лизы и Лолахан: «Хозяин приобрел отличную землю на территории зимовки. Там будет построен пятиэтажный дом. Двор планируется сделать роскошным. Он хочет пригласить специалиста из Европы, который займется посадкой деревьев и цветов, различных лекарственных растений».

...Смысл этих слов открылся Байшубару сегодня, сейчас.

Вокруг стемнело, с востока подул легкий ветерок. Пустыня, забыв о дневном палящем зное, переживала самые благоприятные моменты для всего живого и неживого.

Спутанные лошади, безошибочно определив место водопоя, коротким скоком напролом двигались к колодцу. Байшубар, закинув ружье за плечо и положив радио

в карман, сошел с бархана и подошел к колодцу в то же время, что и лошади. Ни о чем не думая, он спустил ведро в колодец, а когда принялся вытягивать его, наполненное водой, ему почудилось, что из ямы сейчас появятся тысячи змей – все его тело охватила дрожь, и пока не показался край ведра, он не мог справиться с ознобом. К его облегчению, вместо змей он вытащил ведро чистой воды.

Лошади выпили много. Каждая – по три или четыре ведра. Сколько на самом деле, Байшубар и не помнил. Он лишь снова и снова доставал воду из колодца, а лошади с фырканьем пили и пили... Глядя на то, как лошади пьют, не поднимая голов, Байшубар подумал: «Наверное, вода из колодца, в котором обитают змеи, вкусная».

Напившись, лошади, хрустя стеблями, стали срывать траву, уцелевшую между деревьями.

Байшубар сел у основания толстого саксаула, правой рукой вытер пот со лба подолом рубашки. На небе, как посева на плодородной земле, зародилось множество звезд. Звезды здесь были такими ясными, что казалось – до них рукой подать. Чуть позже взошла луна, большая и круглая, – и Байшубар невольно обратил внимание на то, как прекрасна полная луна.

Вдруг он опомнился. «Почему я сижу? Кого ожидаю? Лошадей напоил. Почему же не взять хорджуны в шалаше и не отправиться в путь?!» С этими мыслями он поднялся с места. Пошел к коням, чтобы найти своего рыжего, но перед ним показался гнедой Шертай. Животное, почувствовав что-то, подняло голову. Байшубар обнял за шею красавца гнедого с белым лбом.

– Скакун, за которым весь год ухаживал Шертай... Безупречный иноходец, ты украсил бы собой любую байгу... Что же мне тебе сказать? Как смотреть тебе в глаза?.. Бог видит, ты все знаешь.

Байшубар судорожно зарыдал. Гнедой, казалось, тоже скорбел. Прислушиваясь к Байшубару, он, поддерживая человека, не отрывал головы от его груди.

– Решил вернуться в аул... Но куда же я пойду? Как же я вернусь? Что мне ответить людям, если спросят, где Шертай? Скажи мне, гнедой... У меня нет советчика, кроме тебя. Нет никого ближе тебя. Ты же ел с рук моего Шертая. Пил с его рук... Сколько раз Шертай гладил тебя по челке, гриве. Целовал тебя. Прижимая к груди твою голову, говорил: «Ты мой». Скажи... Друг мой, несмотря на то, что ты не человек, скажи...

Гнедой безмолвно слушал и не уклонялся от объятий Байшубара.

– Не поеду в Саратан! Пропади он пропадом... Поеду в наш Узынарык! Там меня встретят Шырай, Аликул и Бейсен... Что же я им скажу? Когда дети спросят: «Где наш дядя Шертай?» – скажу: «Оставил его мертвым в пустыне Кызылкума»? А если спросят, что с моей рукой?.. Ладно, жена и дети, бог с ними. Эти вопросы мне будут задавать сотни людей. Мне, несчастному, придется сто или тысячу раз краснеть от стыда? Умирать от стыда в сотый, тысячный раз? Гнедой, для человека нет большего горя, чем это. Нет тяжелее унижения. Не лучше ли мне принять смерть один раз здесь? Друг мой, что лучше – умирать от позора сто, тысячу раз или принять смерть один раз?..

Гнедой не издал ни звука...

– Нет-нет... Я не могу вернуться ни в Саратан, ни в Узынарык. Видно, не судьба. Я останусь здесь, рядом со своим Шертаем... Видимо, так суждено: отправиться вместе в путь... Потом умереть вместе, лежать рядом... Пусть у вас будет все хо-

рошо. Тяжко лишь, что Аликул и Бейсен останутся сиротами... Ну а что же тут такого? Оставшись сиротами, мы с Шертаем выросли, стали людьми. Пусть они тоже вырастут и будут, как мы, любить друг друга... Пусть, как мы, в поисках работы уедут далеко от Узынарыка. Дальше, в длинный путь, который называется «жизнь»... Что ждет их на этом пути, мед или яд, это зависит от судьбы...

Байшубар в последний раз погладил гнедого и, рыдая, развязал путы. Освободил от пут он и сивую кобылу и рыжего, и они сразу стали пастись. Гнедой постоял немного, смотря в его сторону. Понюхал его рубашку. Затем присоединился к другим лошадям.

Байшубар, еле двигая ногами, как после тяжелой болезни, вернулся к колодцу. Сел. Посмотрел в небо, будто считая звезды... Ветерок с востока стал сильнее. В какой-то момент Байшубар успокоился и взбодрился. «Почему я хочу умереть? – подумал он, пугаясь своих мыслей. – Почему не могу вернуться в Саратан? Чего мне стыдиться? Если бы Ахмет остался в живых, он бы погрузил яд, приготовленный из нашей плоти и крови, на лошадей и вернулся бы как воин-победитель... А я?.. Если заявлю, что хозяин оставил мне все свое богатство, кто и что мне скажет? Кто сможет противостоять? Тем, кто живет в пристройках особняка, не все ли равно, кому прислуживать, – мне или хозяину?.. Наверняка у Ахмета есть сообщники. А если действительно есть? Чем вот так просто умереть, лучше я погибну, борясь с ними!» Мысли о борьбе с сообщниками Ахмета придали ему силы, он почувствовал прилив отваги и пожалел о том, что рано развязал путы на ногах лошадей. Затем успокоил себя: «Даже если лошади разбредутся, чего мне бояться... Если надо, дойду пешком. Буду днем отлеживаться, а ночью идти... Пусть три дня придется идти... четыре... Сколько бы ни шел, разве ружье меня не прокормит? Разве не защитит?»

Испуганный тем, как изменился ход его мыслей, Байшубар подумал: «А не потерял ли я рассудок? Может, и потерял... Когда на человека обрушивается горе, говорят же, что от этого теряют рассудок или даже умирают, – если это правда, то я же пережил сегодня все это? Ведь злосчастье все еще со мной?»

Он опять сжал голову правой рукой. Но несмотря на беспросветно тяжелые мысли, мучившие его, твердо решил вернуться в Саратан... Укрепившись в своем решении, Байшубар поднялся с места посмотреть, не ушли ли лошади далеко, и увидел белую рубашку Шертая, которую тот повесил на ветку перед спуском в колодец, снова всхлипнул, а потом, задыхаясь в спазмах, громко разрыдался.

– Искренний брат мой, рвавшийся вперед! «Ага, я все сделаю сам. Вы сидите, я же есть... Не волнуйтесь, прилягте...» – твердил ты, почитая старшего брата, как царя... Как же мне быть, душа моя... Как же мне быть без твоего чуткого сердца... Чего ты достиг, проявляя услужливость, оберегая меня? Если бы в колодец спустился я, ты бы остался жив, женился бы, завел бы детей, которые продолжили бы твой род! Ты был бы опорой для любимых племянников, Аликула и Бейсена!..

Снова рыдая, Байшубар вспомнил о давнем разговоре с братом, который произошел весной. Что, дескать, будем делать с большими деньгами, когда вернемся в аул? Он знал, что Шертай окончил школу вместе с дочерью живущего в соседнем ауле Сергазы – Мирой. Как-то раз нашел даже ее фотографию в книге, которую читал младший брат. Девушка была очень миловидной, понравилась ему. Он вспомнил, что Шырай она тоже понравилась – жена что-то говорила об этом. «Как только вернемся, поеду свататься к дочери Сергазы», – сказал он тогда,

начиная разговор, которого не ждал младший брат. Шертай покраснел. «А как же мои планы об учебе, ага?» – спросил он, стесняясь говорить о девушке. «Ну что же с учебой? Разве женатого джигита не принимают на учебу?» Шертай не смог ничего ответить и, покраснев, отвернулся. Он не стал противиться этому разговору. Наоборот, кажется, обрадовался. Байшубар тогда еще подумал: «Все. Он ее любит. Как только вернемся в аул, подарим золотые серьги дочери Сергазы».

...После полуночи в песчаной степи стало холодно. Байшубар, стуча зубами и дрожа от холода, молил бога: «О, Аллах, умереть бы мне от простуды... Наверное, прежде не было случая, чтобы кто-либо умер от переохлаждения в песках Кызылкума в зените июля. Я желаю такой смерти... Прошу...» С другой стороны, он не мог не удивляться такому характеру Кызылкумов: невероятный зной днем и пронизывающий холод ночью.

Байшубар встал с места, взял висящую на ветке рубашку Шертая и поднес к лицу, нюхая ее. «Ага, можно, я надена рубашку, подаренную вами, в это путешествие?» – говорил братишка, предвкушая, радуясь, с трепетом ожидая предстоящую поездку... Милый брат... Запах пота выветрился из рубашки, которую брат носил в эти знойные два дня. Подержав в руках рубаху Шертая, Байшубар немного успокоился. А надев ее поверх своей, через некоторое время почувствовал, что согрелся. «Ты согрел меня... Шертай-жан», – подумал он. На этот раз не расплакался.

Байшубар лежал в полудреме и поначалу не мог понять, то ли ему померещилось, то ли это был сон. Или в самом деле он потерял рассудок?

...Ему смутно виделось, как они с Шертаем едут верхом по пескам Кызылкумов... Оба оживленные, веселые. Шертай рассказывает о чем-то и весело смеется. Затем они остановились возле колодца со стенками, сплетенными из веток саксаула, спешились. Видимо, обоих сильно мучила жажда... Байшубар хотел достать воду из колодца, но Шертай не согласился, настаивая: «Завяжи веревку вокруг моего пояса, я должен сам достать воду». Ему пришлось привязать к поясу брата пеньковую веревку и спустить его в колодец. Медленно отпуская веревку, он услышал душераздирающий вопль Шертая...

Он так испугался, что вскочил с места под толстым саксаулом, где лежал, прижав ноги к груди. Сначала не понял, где он и почему здесь находится, растерянно посмотрел по сторонам, увидел колодец со стенками, сплетенными из веток саксаула, а рядом холмик, где покоился его брат. Не выдержав, зажал уши, словно пронзительный крик продолжал звучать... О, ужас! Даже когда он закрыл уши, крик все равно врвался в голову. Он не мог понять, каким образом, откуда возникает этот звук... Удивленно посмотрел вправо... влево... На минуту ему почудилось, что весь мир странен и непонятен... Затем – что он сам странен и непонятен всему миру... Байшубар высокомерно посмотрел на барханы и кусты вокруг, постоял немного, затем, приняв внезапное решение, схватил короткую лопату и стал раскапывать бугор, под которым покоился его брат.

...На рассвете раздался выстрел ружья, сотрясший воздух над песками Кызылкумов. От звука, который еще никогда не слышали в этих краях, повылезали из своих нор ящерицы, жуки и каракурты... И снова разбежались... Ветви саксаула заколыхались...

Прошло не так много времени, и восточный ветер, звучащий, как отдаленный плач ребенка, воздвиг третий холмик рядом с колодцем со стенками, сплетенными из веток саксаула...

Ближе к полудню поток змей, напоминающий реку, заструился в сторону колодца. Было еще жарче, чем вчера. Не выдерживая жара песка, змееныши переворачивались, затем снова ползли, некоторые из них прыдали вверх, но не из-за того, что были напуганы чем-то или кем-то, а радуясь ощущению вольной жизни, забавляясь и играя.

Они заметили третий холмик возле колодца. Не только увидели, но и заползли на него. Потом сползли вниз. Проказливые змееныши, не сумев сползти, белея брюшком, скатывались кувырком, потом снова стремились вперед, торопясь в свою прохладную обитель в колодце.

Старый змей не спешил. Он неторопливо обогнул бугры, которых вчера было два, а сегодня три. Обратил внимание на ружье в песке, приклад которого торчал снаружи. Посмотрел и на маленький приемник. В воздухе стоял запах лишь двуногих. Запах четвероногих не улавливался. Старый змей боялся лишь двуногих существ. Поэтому высунув трепещущий язык, снова принялся ловить запахи. Это был запах мертвеца. Живыми двуногими не пахло.

Матерый змей отличал хороших и плохих двуногих существ по их запаху. Каждый год запах безобидных двуногих оставался здесь, а плохой куда-то уходил. Старый змей с особым вниманием относился к двуногому с плохим запахом. Он запомнил его, так как тот уже столько лет приходил и исчезал... ну а теперь и запах этого знакомого двуногого – мертвый...

Старый змей почувствовал себя в безопасности, словно разом избавился от всех двуногих на земле. Но все же надо быть осторожным... Он посмотрел с подозрением на шар перекасти-поля, который занесло сюда утренним ветром, на ведро с веревкой, лежащее на земле. Его пугали изменения в окружающем пространстве. И запахи... И не тот рельеф... Он не ведал, что такое горевать или радоваться случившемуся событию. Знал лишь одно – гордость, которую он ощущал от своей свободы и в момент победы над врагом. Вот и сейчас, горделивый, надменный, полз он позади всех змей.

Избавление от двуногих дало всем жителям этих песков надежду, придало сил, избавляя от страхов вчерашнего дня. Теперь и для ящериц, обрадовавшихся новой жизни, наступил новый период без забот и печали, они выбегали и снова забегали в свои норы. Появились и медлительные каракурты, проворные жуки Кызылкумов. Ветви саксаула, поникшие было во время невыносимо жарких дней, снова слабо покачивались, поблескивали, будто воспрянули к новой жизни...

Окончание следует.

